

НАУКА ДЛЯ ВСЕХ

— II. —

ФРИТЪОФ НАНСЕН

НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ

Сокращенный перевод О. Н. Поповой

ИЗДАНИЕ

просмотренное проф. А. А. КРУБЕРОМ

(4—10 тыс.).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1923 Петроград

Гиз. № 4004.

Напечатано 7000 экз.

1-я Типограф. МСНХ „Печатн. Искус.“ Аренд.: С. Я. Цузмер и инж. С. Г. Гликин
Маросейка, Армянский пер., д. 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие переводчицы	5
Предисловие <i>Фр. Нансена</i>	7
Глава I. Гренландия и эскимосы	9
„ II. Внешний вид и одежда	12
„ III. Каяк и принадлежности каяка	15
„ IV. На каяке в открытом море	22
„ V. Зимние дома, шатры, женские лодки и кочевка	28
„ VI. Кушанье и лакомства	32
„ VII. Характер и общественные отношения	34
„ VIII. Положение и работы женщин	38
„ IX. Любовь и брак	41
„ X. Нравственность	44
„ XI. Правосудие, барабанная пляска и удовольствия	55
„ XII. Искусство, музыка, поэзия.—Рассказ туземца	50
„ XIII. Языческие верования эскимосов	55
„ XIV. Европейцы и туземцы	68

г Петропавловск.

Фритъоф Нансен — уроженец Норвегии, отважный путешественник, который задался целью проникнуть к северному полюсу. Он снарядил судно „Фрам“, на котором, вместе с несколькими мужественными товарищами отправился на крайний север. Там он провел три года и пробрался довольно близко к северному полюсу.

Кто не читал его путешествия, может познакомиться с ним по книгам „Во мраке ночи и во льдах“ или по сокращенному изложению: „Герой полярной ночи“¹⁾.

До своей поездки к северному полюсу, Нансен посетил далекую Гренландию и прошел ее всю поперек, с восточного берега до западного. Путешествие по материковому льду, через громадные ледяные горы и глубокие трещины, было очень опасно. Уже тогда Нансен познакомился с эскимосами и очень полюбил этот кроткий народ. Позднее он еще раз побывал в Гренландии и затем издал книгу, в которой передает свои впечатления, рассказывает о быте, жизни и занятиях эскимосов, живущих в Гренландии. На самой южной оконечности этой земли, около мыса Фаруэль (по-английски — „прощай“ или „доброго пути“), находится поселок европейцев — датчан, которые ввели в эту страну свою культуру и христианство. Впрочем, первым миссионером был норвежец, Ганс Эгеде.

Жизнь и обычаи каждого народа представляют несомненно интерес; еще более занимательно познакомиться с таким народом, который жил и боролся с природой совершенно самостоятельно, своим умом придумывал себе орудия борьбы и снаряды

1) Фритъоф Нансен. „Во мраке ночи и во льдах“. Полный перев. с англ. Н. Березина. С многочисл. иллюстр. 2 тома. Спб. Издание О. Н. Поповой. Ц. 2 руб. — О. Н. Попова. „Герой полярной ночи и вечных льдов“. С рисунками.

для охоты за теми зверями, которые были необходимы для его существования. Эскимосы представляют из себя яркий пример такого отважного народа. Они поражают нас еще своим мягким и уступчивым характером, веселым нравом, несмотря на тяжелые условия жизни.

В предлагаемой книжке я попыталась изложить все самое интересное, что написано в книге Фритьофа Нансена, чтобы дать возможность познакомиться с нею более широкому кругу читателей.

О. Попова.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Целую зиму мы провели, отрешенные от всего остального мира, исключительно среди гренландцев. Я жил в их хижинах, трудился вместе с ними и старался по возможности изучить их язык и вникнуть в самое существо их жизни. Но одна зима оказалась слишком короткой, чтобы изучить этот замечательный народ, постичь его культуру, углубиться в его умственную жизнь. Для этого требуется более долгий срок и более серьезное изучение. Тем не менее, я постарался в этой книге передать свои впечатления о жизни эскимосов, придерживаясь, насколько это возможно, других исследователей гренландской жизни. Есть вещи, которые скорее бросаются в глаза вновь прибывшему, чем многолетнему исследователю, который производит свои наблюдения изо дня в день.

Найдутся, вероятно, люди, которые не согласятся со мною в том, что я позволяю себе искренно жалеть этот вымирающий народ, погибающий от соприкосновения с нашей цивилизацией; но я утешаю себя тем, что положение эскимосов от этого не ухудшится, а другие люди почерпнут из моих замечаний некоторую пользу и отнесутся к ним снисходительно. Правда прежде всего! Если читатель иногда удивится тому, что здесь написано, то я вперед извиняюсь перед ним; но я от души полюбил этот народ, а для этого одной зимы вполне достаточно.

Просиживая длинные темные вечера в их хижинах, освещенных маленькой лампочкой, я имел достаточно времени разобратся в своих мыслях. Мне казалось иногда, что я вижу этих детей природы медленно движущимися шаг за шагом в своих санках, запряженных собаками, или в лодках, обтянутых шкурами, по направлению с далекого запада. Я видел, как они пробивали себе дорогу при помощи удивительно остроумных приспособлений; видел, как они понемногу превращались в самых отважных мореплавателей. Проходили столетия и тысячелетия; поколение погибало за поколением в борьбе с природой, и только самые сильные оставались победителями. Я не мог не проникнуться уважением к столь отважному народу.

Но рядом с дивными картинами прошлого возникали картины настоящего и будущего и рисовались мне в самом безнадежном и мрачном свете.

В Гренландии эскимосы впервые познакомились с европейцами. Сюда приехали наши предки норвежцы, но были побеждены эскимосами. Когда мы вновь вернулись к ним, на этот раз с продуктами нашей цивилизации, они должны были нам по-

кориться, и с той поры жизнь их пошла под гору. Люди привыкли говорить об этом спокойно, пожимая плечами. Между тем, у эскимосов — такие же потребности, как и у других людей. Они любят жизнь, любят свою природу, любят своих детей; их предания красноречиво говорят об их добрых человеческих чувствах.

„Знаменитый охотник с острова Алюк, — говорится в одном народном сказании, — около восточного побережья, так любил свою родину, что не покидал ее даже летом. Он каждое утро с особенным восторгом следил за тем, как солнце вставало из недр моря. Однажды одному из его сыновей удалось уговорить его поехать на запад. Когда они отъехали настолько далеко, что солнце появлялось не из-за моря, а из-под земли, отец приказал все приготовить для обратного пути. Вернувшись на остров Алюк, они разбили там шалаш. На следующее утро перед рассветом старик отправился на морской берег; сперва родные слышали его радостные возгласы, но потом все затихло, и когда они поспешили к тому месту, где он стоял, то увидели, что в ту минуту, когда солнце показалось из за горизонта моря, старик упал на землю. Он умер. Радость его убила“.

Народ, у которого существуют такие рассказы, не может быть бесчувственным.

Я считаю своим долгом рассказать о них то, что я наблюдал, хотя сознаю, что мое перо не в силах описать все так, как я бы этого желал. Никогда еще я так не сожалел, что не рожден поэтом. Тем не менее, я надеюсь, что вызову хоть у некоторых людей сочувствие к судьбе эскимосов и печаль об их неизбежной гибели.

Фритъоф Хансен.

Готхаб, Лизекер.
Ноябрь 1891 года.

Г л а в а I.

Гренландия и эскимосы.

Гренландия самым тесным образом связана с нашей страной (Норвегией) и нашим народом. Предки наши были первыми европейцами, посетившими Гренландию. Смелые викинги на своих тяжелых судах совершили этот опасный переезд, пробиваясь сквозь пловучие льдины в эту далекую снежную страну, поселились там и завладели страной, сделав из нее достояние Норвежского государства. Затем прилив норвежцев сюда внезапно прекратился, и даже позабылось о существовании этой норвежской колонии. Позднее эта холодная страна была вновь открыта, опять-таки норвежцем, по поручению одного ученого общества, после чего здесь вновь началась европейская колонизация.

Бедна та страна, которую мы отняли у эскимосов; бедна она золотом и дремучими лесами; она пустынна, удалена от всего мира и не похожа ни на одну страну, обитаемую европейцами. И все-таки она хороша, несмотря на свою бедность. Да, если Норвегия красива, то Гренландия не менее красива, чем Норвегия. Кто хоть раз увидел ее, тот никогда ее не забудет! Я не знаю, чувствуют ли это другие, но для меня воспоминания об этой стране сливаются с восхитительною прелестью сказочного мира моего раннего детства; там, в Гренландии, я увидел картины природы своей родины, но они отличались более ясной и строгой красотой.

Дикая природа севера напоминает древнее сказание, в котором, несмотря на суровость тонов, на холодные переливы вечного льда и снега, встречаются необыкновенно мягкие мотивы, напоминающие дивное стихотворение. Эту страну можно сравнить с холодной сталью, на которой всеми переливами радуги сверкает солнечный луч.

Всякий раз, когда я вижу поля, покрытые снегом, и горы с ледяными вершинами, мои мысли устремляются в Гренландию, где снежная пустыня еще необозримее, и где ледяные вершины скатываются в море, покрытое пловучим льдом и целыми глыбами ледяных гор. Когда я слышу громкие восхваления быстрого роста нашей культуры, великих деяний знаменитых людей, я мысленно переношусь к далеким снежным пространствам, расстилающимся, белые и безмолвные, от одного моря к другому и похоронившим под собою когда-то плодородные долины и горы. Быть может, и нашу страну покроют когда-нибудь такие же вечные снега и льды.

В этой стране все необыкновенно просто и в то же время величественно: белый снег, синий лед, темные, голые скалы, бушующее и ревущее море. Когда я вижу ясный закат солнца, которое исчезает за сверкающей поверхностью моря, я вспоминаю эту страну, где на высоких снеговых горах при таком же закате сверкают и переливаются яркие, волшебные краски. Когда мне случается подниматься на высокие горы моей родины, где пасутся стада коров и построены домики для молочного хозяйства, я невольно думаю о хижинах эскимосов, о целых стадах оленей, пасущихся около бухт и по склонам гор Гренландии, о лугах, болотах, долинах и реках той горной местности, в которой эскимос проводит свое короткое лето. Ничто на свете не может сравниться с чудною полярною ночью, освещенною северными сияниями; она напоминает таинственное дыхание самой природы.

Эта страна производит необыкновенное впечатление на душу человека, а народ, обитающий в этой стране, невольно приковывает к себе наше внимание. Эскимосы, более чем какой-либо другой народ, принадлежат морю; они являются исключительно прибрежными жителями. Эскимос живет около моря и в нем находит себе пропитание; море дает ему все, в чем он нуждается, и все свои поездки он совершает исключительно по морю; летом он ездит в своих лодках, обтянутых шкурами, зимой на санках, запряженных собаками. Море играет в жизни эскимосов самую главную роль, поэтому неудивительно, что и душа эскимоса похожа на это море, и в ней так же часто происходят смены настроений: она сурова во время бури и весела, когда светит солнце и море спокойно. Эскимос—сын моря, легкомысленный и веселый, как игривая волна, но подчас он бывает и мрачен, как бушующая стихия. Его духовный мир напоминает душу ребенка: впечатления весьма быстро меняются и ступшеваются. Прошла непогода—море успокоилось и ничем не напоминает недавно шумевшую грозную бурю.

Блага этого мира распределены очень неравномерно. Если некоторым и удастся смолоду посадить большое хлебное дерево и питаться во всю последующую жизнь его плодами, то другим как будто отказано во всем, и дарована лишь сила к борьбе; этим людям приходится шаг за шагом отвоевывать у природы то, что им необходимо для существования. Человечество в своей непрестанной борьбе с природой поставило такие народы на самых отдаленных передовых постах цивилизации. На таком отдаленном посту стоят эскимосы, самый необыкновенный из всех существующих в наше время народов. Они самым ярким образом доказывают способность человека приноровиться ко всем возможным обстоятельствам и, вопреки всяким преградам, распространиться по земле. Эскимос ближе всех живет к северному полюсу, лицом к лицу с мертвой тишиной вечного льда, и еще

далее на север до сих пор все еще находятся следы прежнего пребывания этого народа, столь удивительно приспособленного к борьбе с природой.

Эскимос взял для себя те земли, от которых пренебрежительно отвернулось все прочее человечество. При постоянной борьбе и медленном развитии, он научился большему, чем другие народы. Там, где для этих последних прекращается всякая возможность существования,—начинается царство эскимосов. Они любят свою страну, для них она—целый мир, в ней эскимос является „человеком“, и вдали от нее он неминуемо должен погибнуть. Этому народу я посвящаю свою книгу и постараюсь рассказать то, что о нем знаю.

Насколько эскимос своим внешним видом, строением своего тела и остроумными приспособлениями к той среде, в которой проходит его жизнь, резко отличается от других народов, настолько же отдельные племена эскимосов похожи друг на друга. Эскимос, живущий у Берингова пролива, так похож на эскимоса Гренландии и на эскимоса, живущего на Аляске, что никто ни на минуту не может усомниться в их принадлежности к одному племени. Полоса земли, занимаемая теперь эскимосами, простирается от Берингова пролива через Аляску по самой северной части Северной Америки и по тем островам Северного океана, которые принадлежат к этому континенту, до западного и восточного берегов Гренландии.

Многие ученые занимались исследованием нравов и обычаев эскимосов и высказывали самые противоположные взгляды относительно их происхождения. Теперь признано, что эскимосы представляют очень древнюю народность, вначале очень немногочисленную и только в позднейшее время распространившуюся по всем тем землям, которые они теперь занимают. Свою домашнюю утварь и орудия для охоты они, повидимому, вывезли из Америки, так как первоначально эскимосы занимали внутренние части Аляски. Кроме того, их обычаи и предания имеют очень много общего со сказаниями и обычаями индейцев.

Когда именно эскимосы поселились в Гренландии, трудно установить; жили они сперва гораздо севернее, и только впоследствии спустились на южную половину Гренландии. Первые точные сведения, собранные профессором Стормом, указывают на то, что эскимосы жили в Гренландии уже в XII столетии.

В сказаниях эскимосов говорится о битвах, происходивших между ними и норвежцами, но в этих же сказаниях упоминается и о мирных сношениях с иностранцами. Мирлюбивый характер эскимосов вообще не допускает мысли о том, чтобы они могли вести жестокую оборонительную войну; и если первые норвежские колонисты погибли, то это случилось по каким-нибудь другим причинам.

Для того, чтобы притти в Гренландию, эскимосы должны были перейти Смитов пролив и затем, по мнению некоторых

Рис. I. Эскимос.

ученых, поднялись к северу Гренландии и спустились по ее восточному берегу, а по мнению других—спустились на юг по западному берегу. В настоящее время эскимосы живут по западному побережью Гренландии до самого мыса Фаруэль. Число их на Датском побережье равняется 10.000. На восточном берегу тоже встречали эскимосов, но число их очень незначительно. На севере Гренландии путешественники находили следы жилищ эскимосов и брошенную ими домашнюю утварь, но самых эскимосов не видели. Весьма вероятно, что они ушли куда-нибудь на север или на юг, но

чтобы они совсем вымерли—это мало вероятно, так как эскимосы сами по себе очень живучий народ.

Г л а в а II.

Внешний вид и одежда.

Теперь, когда я нахожусь вдали от этих людей и от той природы, среди которой я с ними жил, я особенно ярко помню первую встречу с ними на восточном берегу Гренландии. Я увидел два смеющиеся коричневых лица с длинными черными волосами на фоне голубого льда. Они сияли от внутреннего довольства собою и всем миром и добродушно улыбались, взирая не без удивления на странных незнакомых пришельцев. Эскимос чистой расы едва ли покажется красивым для любого европейца, особенно на первый взгляд. У него круглое, широкое лицо с грубыми чертами, небольшие темные глаза, расположенные иногда вкось, плоский нос, расширяющийся внизу, толстые мясистые губы, большой рот и широкие скулы. Когда рот раскрывается для улыбки, то видны два ряда крепких белых зубов. Вообще его лицо с сильно развитыми челюстями производит впечатление хорошего аппарата для жевания, и когда на него смотришь, то невольно думаешь о хорошем сытном обеде. В то же время их лица, в особенности женщин, производят приятное, успокаивающее впечатление. Вспоминая их, я невольно вспоминаю и ясное солнце, и глетчеры, и среди этой обстановки приветливых людей с коричневыми, цветущими, здоровыми лицами.

К сожалению, эскимосы очень скоро стареют. Высохшие сморщенные лица старух нельзя назвать приятными, но и они не лишены известной строгой кротости; на их челе лежит пе-

чать тяжелого труда и добродушной покорности своей судьбе; зато они никогда не выражают той чопорной холодности, которою отличаются многие старые лица людей других стран и народностей. В Европе существует ошибочное мнение, что эскимосы вообще невысокого роста; между тем, рост их средний, а сложение крепкое и коренастое. Мужчины очень широкоплечи, руки их чрезвычайно мускулисты, ноги же сравнительно коротки и тонки, почему походка их не отличается твердостью. Недостаточное развитие нижних конечностей объясняется сидячею жизнью.

Женщины поражают своими узкими бедрами. Особенно красивы руки эскимосок, а также и ноги, замечательно маленькие, изящные. Вообще женщины производят очень приятное впечатление.

Цвет кожи эскимосов светло-коричневый или серовато-желтый, у детей более светлый, чем у взрослых; кожа их лица представляется более темной от загрязнения; им случается иногда ножами соскабливать с лица грязь вместе с потом.

Одежда эскимосов знакома, вероятно, большинству по картинкам; интересно, что одежда женщин почти не отличается от одежды мужчин.

В Южной Гренландии на верхнюю часть тела одевается так называемый „тимиак“, который изготовляется из птичьих шкурок, при чем перья и пух обращены внутрь; эта часть одежды напоминает наши шерстяные фуфайки, и подобно им, одевается через голову. К вороту тимиака прикрепляется мешок, который натягивается на голову; край его обшит мехом, и если мешок откинут на спину, то образует как бы воротник. Рукава этой одежды тоже оторочены собачьим мехом. Сверху одевается вторая одежда, „анорак“, в настоящее время ее покрывают в большинстве случаев бумажною тканью. На ногах одеты штаны из оленьей шкуры, мехом внутрь, и нечто вроде сапог из двойной кожи, при чем верхняя кожа не пропускает воду. Между первой кожей, напоминающей чулок, и верхней, представляющей собственно сапог, под подошву кладется солома или морская трава.

Одежда женщин почти не отличается своим фасоном от одежды мужчин, только вместо мешка они обшивают ворот высоким воротником из собачьего меха, а поверх воротника одевают широкое ожерелье из пестрых бус, переливающихся цветами радуги. Покрышка верхней одежды по возможности пестрая и самой яркой окраски: красная, голубая, зеленая или желтая, и оторочена внизу широкой пестрой лентой, иногда бумажной, но предпочтительно шелковой. Штаны у женщин гораздо короче; они сделаны из пестрой тюленьей или оленьей кожи, украшены рисунками из кусочков собачьей кожи; зато сапоги гораздо длиннее: они натянуты выше колен и окрашены в красный или синий цвет с полосками из разноцветной кожи; иногда они бывают и совершенно белые. Женщины, имеющие маленького ре-

Рис. 2. Эскимоска.

бенка, носят на спине мешок вроде большого кармана, куда они засовывают своего младенца, отправляясь на работу. Мешок этот сшит из двойной кожи; поэтому дети вполне ограждены от холода.

Когда эскимосы сидят в своих домах, они обыкновенно снимают с себя свои тяжелые одежды и довольствуются небольшими поясами из меха и кожи, которые они одевают вокруг бедер. Когда в страну приехали европейцы, то они сильно воспротивились такому обычаю, считая его неприличным, и местами им удалось искоренить слишком несложное домашнее одеяние эскимосов. Эскимоски

теперь также стесняются показывать свою наготу; но оставаться в шубе в теплом помещении едва ли полезно для их здоровья. Эскимосы нисколько не стесняются при отправлении своих естественных потребностей, и присутствие даже многочисленных гостей не служит им помехой. Для этой цели в каждой юрте стоит кадка, в которой кстати мокнут кожи. Ее опоражнивают лишь в случае крайнего зловония.

Волосы эскимоса черны, как воронье крыло, крепки и толсты, как волосы конского хвоста. Мужчины не всегда стригут волосы. На восточном побережье Гренландии стрижка считается весьма опасной, так как, по верованиям эскимосов, она приносит несчастье. В некоторых местностях существует обычай стягивать волосы на макушке крепкой веревкой. Железо ни в каком случае не должно соприкасаться с волосами, поэтому, если где у детей и стригут волосы, то делают это посредством китовой челюсти.

Женщины свертывают волосы в крепкий узел, затягивая его со всех сторон, как можно туже. На восточном побережье Гренландии женщины обтягивают голову полоской из кожи, на западном побережье — цветной лентой. Молодые девушки носят красную ленту, но если у них родится ребенок, то они заменяют ее зеленой; женщины носят голубую, а вдовы — черную ленту. Если вдова хочет снова выйти замуж, она сплетает черную ленту с красной. Вдовы, потерявшие надежду найти себе другого мужа, носят вместо черной ленты — белую. Если у вдовы, после смерти мужа, родятся еще дети, то она обязана надеть зеленую ленту.

Узел из волос на голове гренландки составляет ее главную гордость, и она всячески старается, чтобы он торчал как можно больше кверху; об этом особенно заботятся молодые эскимоски, которые собираются выйти замуж. Они с таким усердием обтягивают волосы ото лба и затылка, что почти у всех образуются довольно заметные плечи. чего нельзя назвать особенно красивым. Чтобы скрутить волосы как можно крепче и придать им

блеск, гренландки смачивают их мочей; от этого они слипаются, и их легче свертывать и связывать. Они также любят мыться этой самой жидкостью, и запах ее считается очень приятным. Вообще эскимосы к моче не имеют никакого отвращения и, вылив ее из какого-нибудь сосуда, наливают туда суп или какую-нибудь другую пищу. Эскимосов и в других отношениях нельзя назвать брезгливыми; они часто едят из одной чашки со своими собаками. Выбирая вшей из головы ребят, они их раскусывают, приговаривая: „что кусается, то надо раскусить“.

Если некоторым покажется странным подобное поведение эскимосов, то я должен напомнить, что и наши праотцы за несколько столетий назад не отличались особенно изящным образом жизни; так гласят, по крайней мере, наши скандинавские предания.

Г л а в а III.

Каяк и принадлежности каяка.

При поверхностном наблюдении особенностей жизни эскимосов можно легко притти к тому ошибочному заключению, будто они стоят на очень низкой ступени культуры. Но если взять на себя труд ближе ознакомиться с их жизнью, то вывод получится совсем иной.

Представьте себе народ, живущий на пустынном, диком побережье, — такова негостеприимная Гренландия, — оторванный от всего мира, без металлов, без оружия для самообороны, без всяких вспомогательных средств; около себя он находит лишь камни, немного плувучего леса, шкуры и кости убитых им зверей. Представим себя на месте этих людей и согласимся с тем, что нам грозила бы неминуемая гибель. Эскимос же не только побеждает все неблагоприятные обстоятельства, но и находит здесь свое счастье, устраивая свою жизнь так, как ему нравится.

Чтобы дать читателю понятие о том, сколько потребовалось эскимосу опыта и усилий, чтобы создать ту степень культуры, на которой он находится, я постараюсь нарисовать картину постепенного усовершенствования орудий, употребляемых им для добывания себе пропитания. Проживая первоначально внутри Аляски, эскимосы были знакомы там лишь с небольшими лодочками, обшитыми березовой корой; на этих лодочках они плавали по рекам, занимаясь ловлей рыбы, как это делают и теперь эскимосы Аляски и индейцы, живущие пузырем.

Рис. 3.
Стрела с
пузырем.

на северо-восточном побережье Северной Америки. Впоследствии эта часть туземцев-эскимосов, соблазненная богатством морского улова рыбы или оттесненная индейскими племенами, двинулась к северу или западу, к устьям рек. Но чем ближе они подвигались к морю, тем реже становились леса; они принуждены были подыскать для обтягивания своих лодок что-нибудь другое вместо коры, в которой ощущался недостаток. Сперва они начали обтягивать их шкурами морских зверей, а затем, очутившись у открытого моря, придумали для своих лодок палубу, а для себя—одежду из звериной шкуры, которая, будучи соединена с палубой, делала внутренность лодки недоступною для воды. Таким образом возник каяк. Сколько потребовалось усилий мысли для того, чтобы создать такое остроумное приспособление, и сколько пришлось испытать разочарований, прежде чем добиться, наконец, такого практичного устройства!

Добравшись до морского берега, эскимос догадался, что для благополучного и сытого существования ему надо заняться ловлей тюленей. Все внимание было сосредоточено на том, чтобы устроить сперва каяк, а затем придумать такие орудия, которые облегчили бы охоту в открытом море.

Стрелять из лука стрелами, как они это делали на твердой земле, стало вовсе неудобно, когда им пришлось выехать в открытое бурное море; им надо было придумать метательные снаряды, и для этой цели они воспользовались прежде всего обыкновенной стрелой с бородкой из перьев, какие употреблялись индейцами. Но вскоре эскимосы убедились, что такое орудие неудобно, так как раненое животное вместе со стрелой уплывало в море; тогда вместо бородки из перьев, они прикрепили к древку стрелы пузырь, надутый воздухом; пузырь этот мешал тюленю скрываться под водой и стеснял его бегство. Затем эскимосы устроили наконечник стрелы таким образом, чтобы он не мог отламываться при сильных движениях раненого животного, только лишь отделялся от древка, которое получало наклонное положение и мешало животному уплывать от охотника. Таким образом была придумана стрела с пузырем, употребляемая всеми эскимосами, живущими около моря.

Пузырь готовится из горла чайки или баклана, которое надувается и высушивается; он прикрепляется к древку стрелы посредством кусочка кости; в кости просверлена дырка для надувания пузыря; дырка затыкается кусочком дерева.

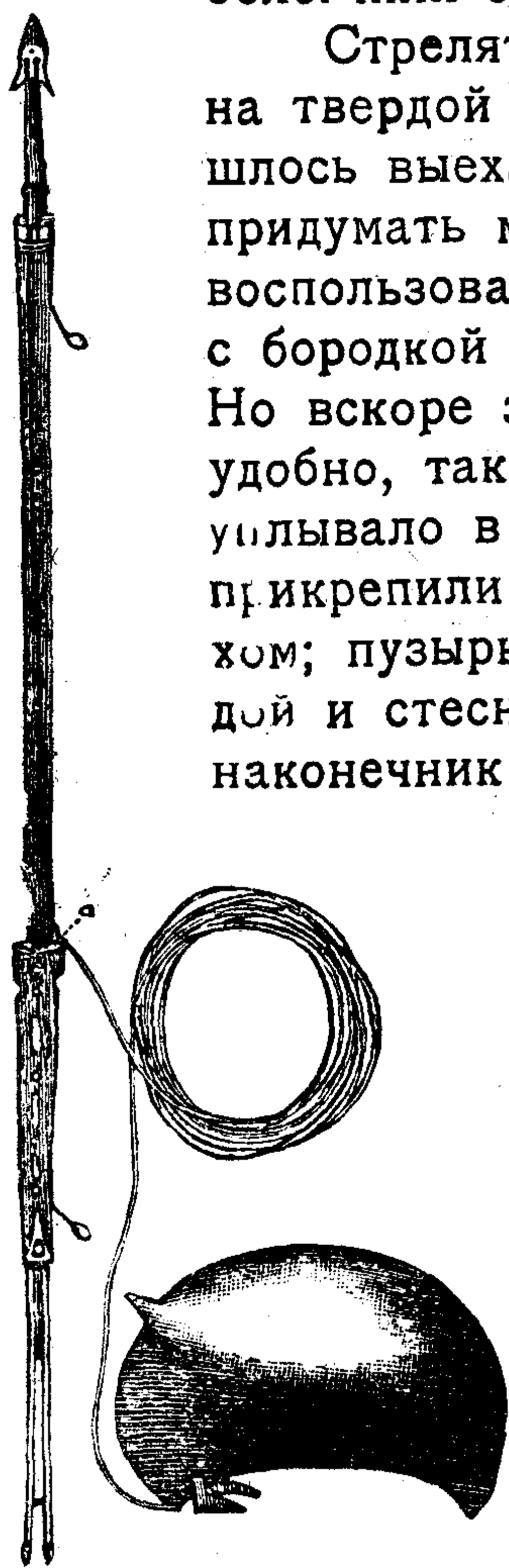

Рис. 4. Гарпун.

Из этой стрелы с пузырем развилось постепенно самое остроумное охотничье оружие эскимосов—гарпун с лесой и пловучим пузырем. Для того, чтобы убивать больших морских животных, к стрелам стали привязывать пузыри все большего и большего размера; но вскоре охотники убедились, что пузырь вследствие своей величины вызывает более сильное сопротивление воздуха, мешает метать стрелы на более далекое расстояние и уменьшает силу удара. Тогда они отделили пузырь от древка стрелы и привязали его на отдельный узкий ремень, который соединили с верхним концом стрелы. Вместе с тем они увеличили самый размер стрелы, и она превратилась наконец в гарпун, несомненно самый остроумный метательный снаряд, изобретению которого может позавидовать любой европеец. Пузырь, привязанный к ремню, оставался на палубе каяка и бросался в воду лишь тогда, когда гарпун впивался в тело раненого животного.

Древко гарпуна делается из тяжелого пловучего леса, который прибывает к берегам Гренландии с берегов Сибири. Верхняя часть древка снабжена толстсю костяною пластинкою, в которую вставляется острие, выточенное из моржевого клыка. Соединенное с древком шарниром из кожи, острие при сильном ударе не ломается, а лишь выскакивает из своего вместилища. Верхний конец костяного острия снабжен костяным наконечником с двумя завершенными крючками: они, впившись в тело, уже ни в каком случае оттуда не выскочат. К наконечнику прикрепляется леса из узкой ременной полоски, а на ее конце находится пузырь.

Когда гарпун попадает в тюленя, наконечник впивается в тело, выходит из шарнира, а древко отделяется и свободно плывет на воде; раненое животное с острием в теле пытается уплыть, влача за собою длинную лесу с прикрепленным к ней пузырем. Охотнику теперь нетрудно настигнуть его и овладеть добычей.

Для наматывания леси в каяке имеется ворот, укрепленный перед самым охотником, сидящим в каяке. Ворот прикрыт кожей, чтобы не отсыреть от морской воды, и всегда готов к беспрепятственному разматыванию. Чтобы добить зверя, употребляется копье из легкого дерева, на конце которого прикреплена железная пластинка с острием из кости. Для того, чтобы этот наконечник не сломался, он прикреплен к древку шарниром, так же как и наконечник гарпуна.

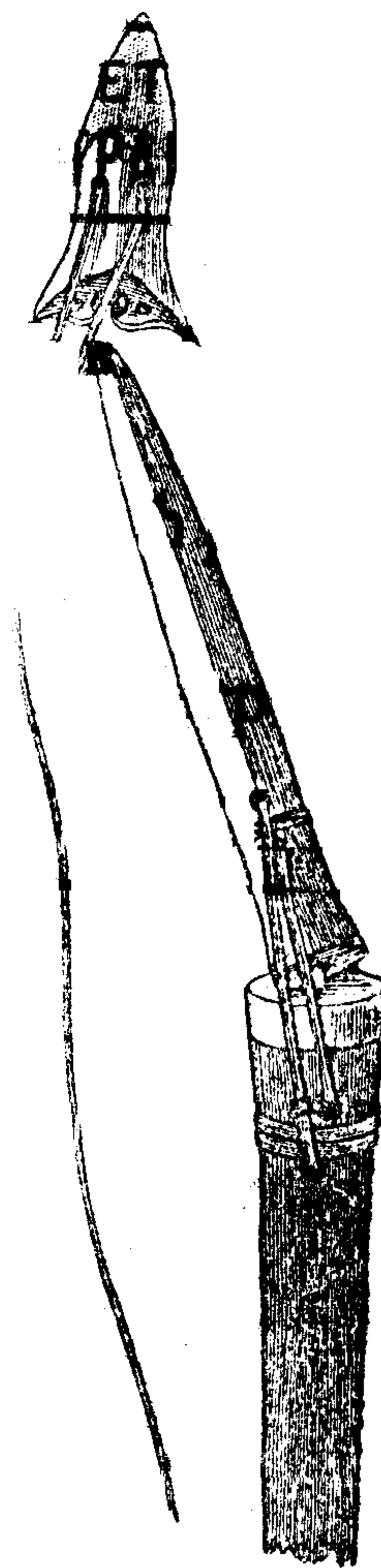

Рис. 5. Наконечник гарпуна.

Для охоты на птиц эскимосы употребляют еще более легкие стрелы.

Острый наконечник этих стрел делался прежде из кости, теперь он делается из железа. Кроме того, на древке стрелы делают еще зацепки из крепкой кости, с заершенными крючками. Если птица не убита острием, то в нее легко впивается один из крючков; раненая птица не может улететь и падает на землю.

Для метания этих снарядов на более далекое расстояние и для увеличения силы удара, эскимос придумал еще одно приспособление, которого не могли придумать ни его американские, ни азиатские соседи. Оно представляет из себя древко около $\frac{3}{4}$ аршина длины, $\frac{3}{5}$ дюйма толщины и в нижнем своем конце около 3 дюймов ширины. Вдоль плоской поверхности этого приспособления устроено углубление, в которое вкладывается древко гарпуна; на верхнем узком конце этого прибора находится небольшая цапфа, коротенький кусочек дерева, который точь в точь пригнан к небольшому углублению в костяной пуговке, находящейся на заднем конце стрелы или гарпуна. Чтобы бросить гарпун, вложенный в это орудие, его держат горизонтально, причем руку заносят несколько назад, затем бросают его сильным ударом, очень ловко ударяя цапфой в нижнюю костяную пуговку, отчего сила полета гарпуна значительно увеличивается.

Кроме вышеописанных метательных орудий, эскимос, выезжая на охоту, берет с собою еще большой нож, которым закалывает раченое животное. Этим же ножом он прокалывает дырки в коже убитого тюленя, привязывая его к каяку и ведя за собой на буксире до берега. С этой целью он берет с собою несколько запасных пузырей; их он надувает и прикрепляет к добыче для того, чтобы она держалась на поверхности воды. Рисунок 9 (стр. 20) показывает каяк, на палубе которого прикрепляются все необходимые для охоты орудия: пузырь, ворот для наматывания лесы гарпуна, гарпун, копье, нож, копье с пузырем, копье для охоты за птицами и метательный снаряд. Но самое интересное—это устройство самого каяка: остов его, изображенный на рисунке 8, сделан из самого легкого дерева; бока его делаются иногда из веток ивы, которая растет на внутренних заливах. В настоящее время эскимосы иногда покупают в колониях западного побережья готовые доски, еловые или сосновые, хотя плохой лес, прибываемый морем к берегам Гренландии, пользуется предпочтением за свою легкость.

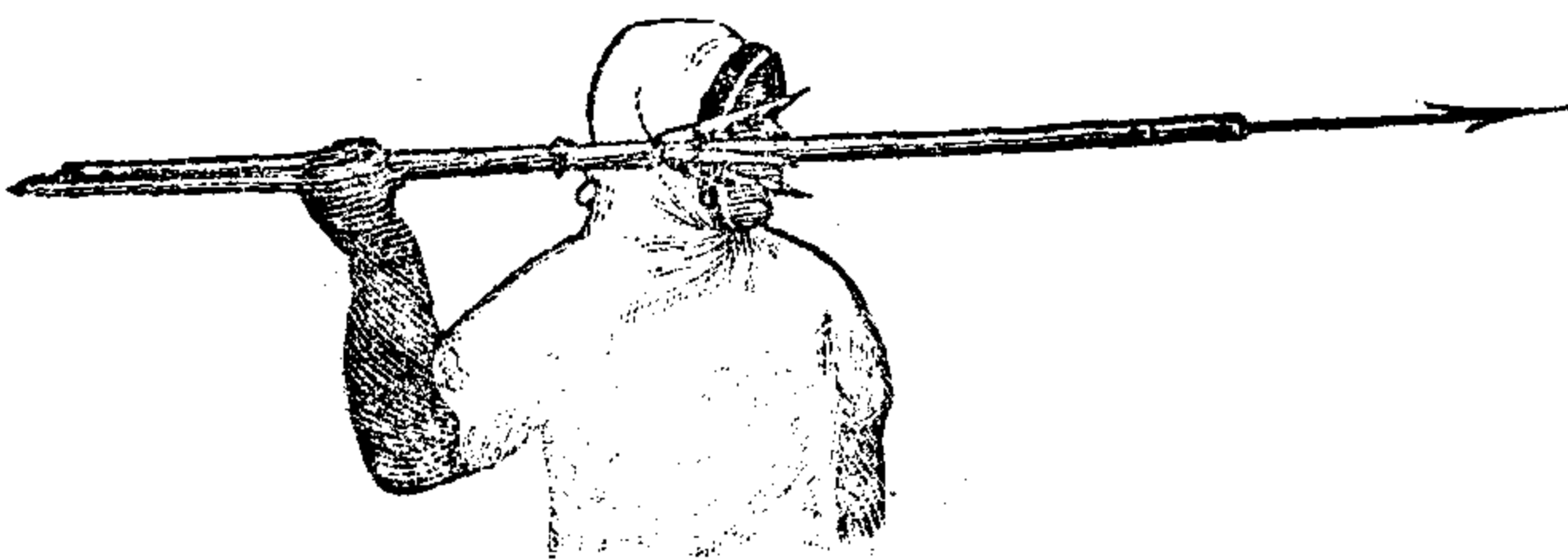

Рис. 6. Метанье стрел. I.

Деревянный остов с наружной стороны обтягивается шкурами тюленей или моржей. Первые считаются лучше, как более непромокаемые. Обтягивают каяк шкурой только-что убитого жи-

вотного, пока она свежая и мягкая. Если ей дать высохнуть, то ее придется тщательно вымочить, прежде чем приступить к натягиванию. Шкура должна быть натянута настолько туго, насколько это возможно, вроде того, как обтягивают барабаны. Мочение кож, сшивание их и обтягивание каяка лежит исключительно на обязанности женщин. Работа эта нелегкая, и если она выполнена неудачно, то это считается величайшим стыдом. Когда приступают к обтягиванию каяка, то на помощь приглашаются несколько женщин, которые все очень охотно идут на такую работу, так как их за это угощают кофе.

В середине каячной палубы находится дыра такого размера, чтобы в нее мог влезть человек и совершенно ее заполнить.

Для влезания и вылезания из каяка требуется большая ловкость. На верхний край отверстия накладывается деревянный обруч, приблизительно в $1\frac{1}{2}$ дюйма высоты;

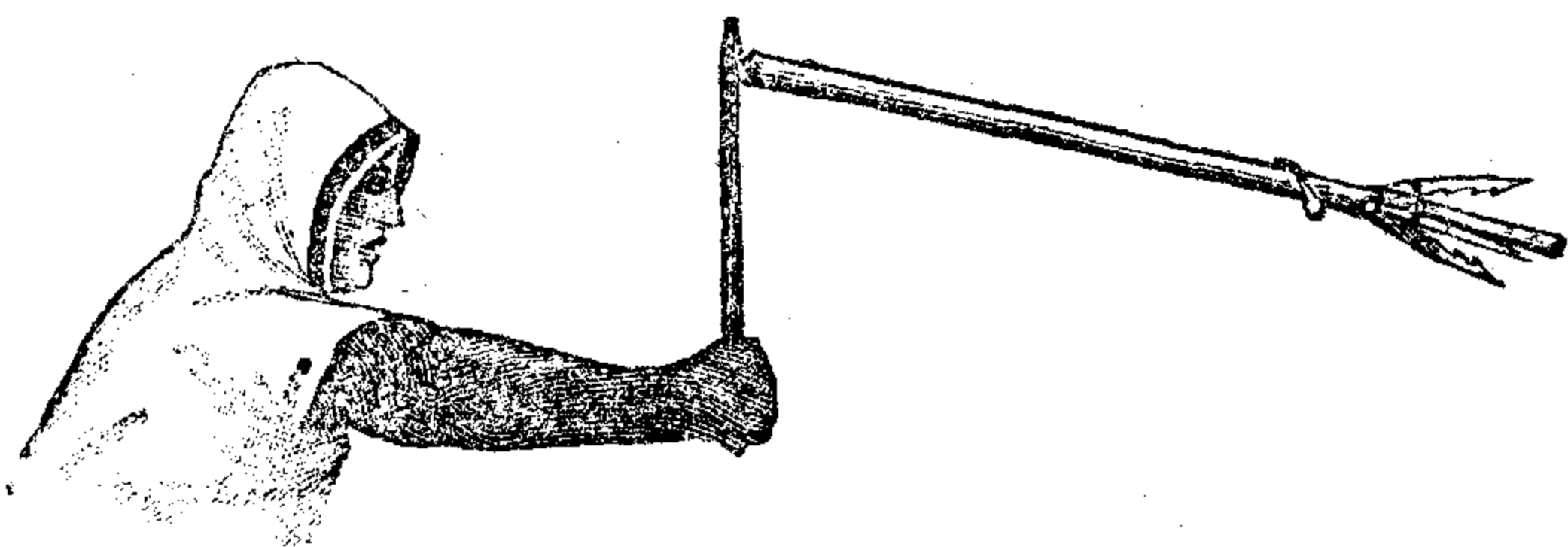

Рис. 7. Метанье стрел. II.

вокруг него стягиваются края непромокаемой шубы, о которой я ра скажу дальше. Сиденье под палубой состоит из кусков старой кожи и медвежьего меха, для того, чтобы оно было по возможности мягче.

Обыкновенно каждый хозяин сам изготовляет для себя каяк и так же тщательно снимает с себя мерку, как будто готовится шить какой-нибудь предмет одежды. Каяк гренландского эскимоса среднего роста обыкновенно бывает около 8 аршин длины; самая большая ширина каяка, как раз перед сиденьем, около $1\frac{1}{2}$ фута. Книзу он постепенно суживается. Пространство между палубой и дном каяка в середине его около 5 или 6 дюймов; дно каяка довольно плоское и образует два тупых угла приблизительно в 140° . По направлению к обоим концам лодка постепенно суживается и заканчивается продолговатым острием. Передний и задний концы обиты внизу продолговатыми костяными пластинками, обыкновенно из ребер кита; эти пластинки служат для украшения и вместе с тем оберегают каяк от повреждений при столкновении с острыми льдинами.

На палубе каяка прикреплены приблизительно шесть поперечных ремней на передней половине и от трех до пяти—на задней. Эти ремни придерживают различные орудия и снаряды, необходимые для ловли и охоты. К некоторым из этих ремней прикрепляют полученную добычу. Убитые птицы прямо кладутся на палубу, при чем головы их подсовываются под ремни; если убитыми оказываются тюлень, морж или крупная рыба, то их везут на буксире и прикрепляют длинными ремнями к самому каяку. Мелкую рыбу кладут прямо на палубу или в пустое подпалубное пространство.

Каяк со всеми приспособлениями для охоты настолько легок, что человек может свободно пронести его на голове на протяжении нескольких миль.

Каячное весло состоит из двух лопастей, держат его по самой середине, ударяя то направо, то налево, как это делается при управлении нашими обыкновенными челноками.

Если погода хороша, то эскимос одевает короткую шубу из непромокаемой кожи, сшитую сушеными жилами. В нижнем конце шубы протянут шнурок из узкого ремня, который затягивается вокруг кольца, окружающего отверстие для сидения. Затягивается шуба настолько плотно, что ни одна капля воды не может проникнуть в подпалубное пространство. Шуба доходит только до плеч, так что руки остаются свободными, и придержи-

Рис. 8. Остов каяка.

вается ремнями вроде подтяжек, которые затягиваются костяной пряжкой очень остроумного устройства.

На руки одеваются свободные меховые рукава, подвязываемые около плеча, а внизу около кисти плотно стягиваемые ремнем; затем надеваются толстые рукавицы, и таким образом вся рука остается сухой во время гребли.

Эта полушуба вполне достаточна, чтобы оградить каяк от вторжения небольших волн; но когда свирепствует буря, эскимосы одевают настоящую непромокаемую шубу, которая не длиннее полушубы и также завязывается вокруг кольца, но снабжена длинными рукавами и мешком, одеваемым на голову. Мешок туго стягивается вокруг лица, рукава также затягиваются крепко

Рис. 9. Каяк (вид сверху).

ремнями, и в этом наряде эскимос остается сухим в самую сильную бурю. Он может даже перекувырнуться вместе со своей лодкой и снова вынырнуть из воды,—и все-таки ни одна капля не попадает во внутренность каяка.

Сидеть и управлять каяком — задача далеко нелегкая, и выучиться этому надо с самого детства. Тот, кто научился этому искусству, может выезжать в каяке во всякую погоду и при помощи двухстороннего весла летать по волнам, как птица.

Дети гренландцев уже с 6 лет начинают учиться управлять каяком, а когда им минет 10—12 лет, то им устраивают соб-

ственный каяк, и они выезжают нанем для самостоятельной работы. Сперва они занимаются лишь рыбной ловлей вдоль побережья, а затем выезжают на охоту за крупными животными вместе со взрослыми эскимосами.

Чтобы хорошо управлять каяком, необходимо выучиться самостоятельно приподниматься, если каяк опрокидывается, что случается весьма часто. Ловкие эскимосы приподнимаются двумя-тремя ударами весла, некоторые—движением руки, при чем рука даже не ударяет воду плашмя, а сжимается в кулак.

В прежние времена почти каждый владелец каяка умел отлично восстанавливать положение своей лодки после того, как ее опрокидывала волна; но с тех пор, как здесь поселились европейцы, даже это искусство значительно упало; впро-

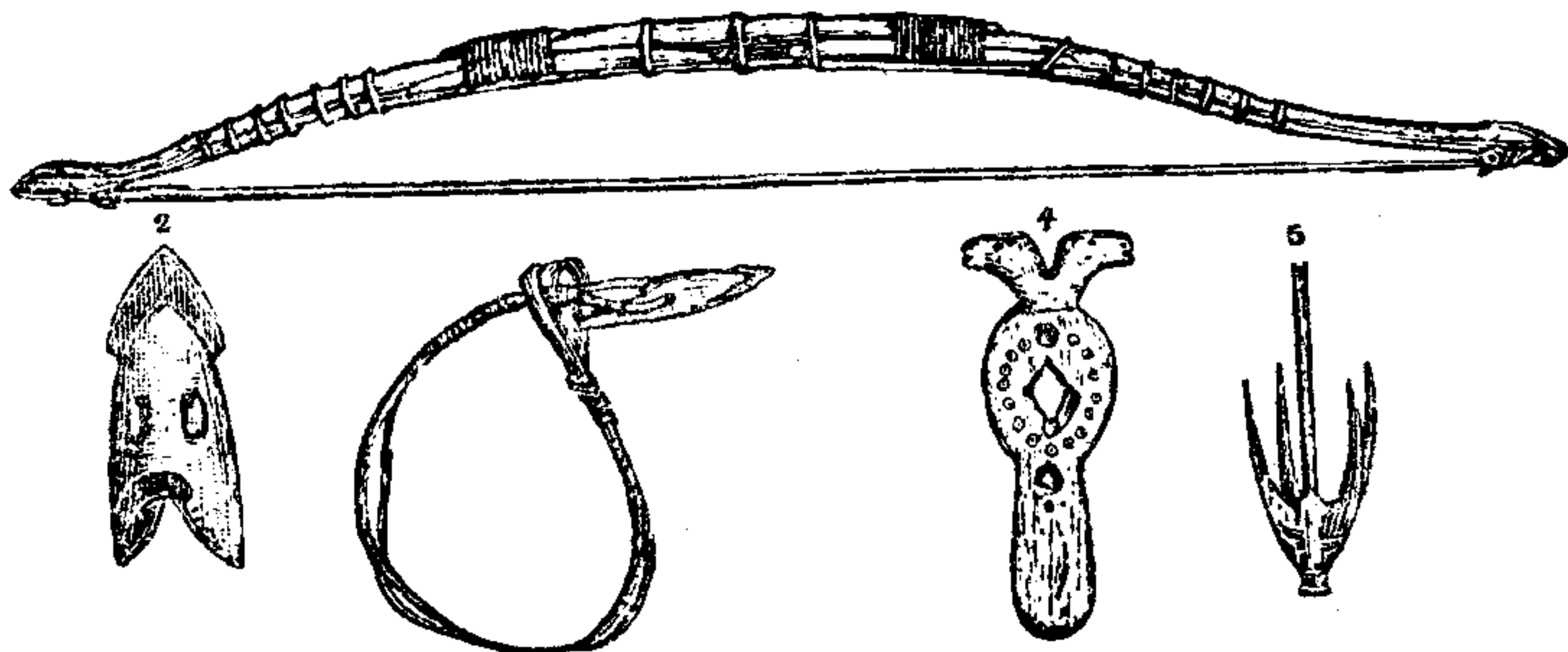

Рис. 10. Костяное оружие эскимосов.

1. Лук.—2. Наконечник гарпуна.—3. Гарпун—4. Прибор для отделки стрел.—5. Удильный крючок.

чем, и сейчас в Гренландии можно встретить очень ловких эскимосов, проделывающих на воде всевозможные фокусы.

Тот, кто умеет восстановить положение лодки, если она запрокинулась, может выезжать в открытое море при всякой погоде. Видя набегающую волну, он кладет весло на палубу, наклоняется всем корпусом вперед, а когда волна убегает дальше, то снова выпрямляется. Есть такие любители, которые нарочно опрокидывают каяк, когда налетает большая волна, а затем снова выпрямляются и летят дальше, ловко работая веслом и прыгая на волнах, как большая водяная птица.

Кто не умеет сам привести опрокинутый каяк в прежнее положение, тому нет спасения, если каяк запрокинется, а поблизости не окажется благодетельной руки, которая бы ему помогла. Его плавание сопряжено с большой опасностью; всякое неосторожное движение при бросании гарпуна, всякая скольконибудь сильная волна может опрокинуть каяк; даже при сравнительно спокойном море опрокидывание каяка случается довольно часто.

Таким образом погибает очень много эскимосов: приблизительно четверть всех смертных случаев происходит вследствие опрокидывания каяка.

ГЛАВА IV.

На каяке в открытом море.

Европейцы охотно обвиняют эскимосов в трусости; это происходит оттого, что они видели их или на земле, или на воде лишь в хорошую погоду, а при таких условиях эскимосы слишком добродушны, чтобы выказывать особенную смелость. Если под храбростью подразумевать то остервенение, с которым тигр борется со своею добычею, ту храбрость, которая, по словам одного философа, присуща людям, стоящим на низкой ступени развития, а также диким зверям, то мы должны сознаться, что такая храбрость отсутствует у эскимосов: они слишком миролюбивы и добродушны, чтобы ответить ударом на полученный удар; поэтому европейцы сначала их били, а потом прозвали трусами. Та храбрость, о которой мы только что говорили, не пользуется в Гренландии особым почетом, и я полагаю, что эскимосы не особенно уважают нас за то, что мы проявляем ее в слишком большом количестве. Но выводиться отсюда заключение, будто эскимосы—трусы, мне кажется неосновательным.

Чтобы составить верное суждение о человеке, надо видеть его за привычной работой. Последуйте за эскимосом в открытом море—и вы увидите в нем совсем другого человека. Истинный храбрец, по моему мнению, тот, кто в минуту опасности спокойно обдумывает, как бы ему выпутаться из беды, и приводит свою мысль в исполнение с полным самообладанием, кто, не сморгнув, смотрит в глаза смерти,—а таких храбрецов мы встретим в Гренландии больше, чем между своими соотечественниками.

Охота на каяке влечет за собою много опасностей. Отец, брат, друг, может быть, погибли на море, а эскимос спокойно выезжает в море и в хорошую и в дурную погоду,—быть может, не всегда охотно, потому что отлично знает те опасности, которые ему предстоят. Раз очутившись на море, он спокойно делает свое дело, и самая сильная буря для него ничем. Езда на каяке—это игра с морем и со смертью. Нет ничего более горделивого, как борьба одинокого гребца с громадными тяжелыми волнами, захватывающими его в свои объятия. Необыкновенно красивое зрелище представляет собою целая стая каяков, которые летят к берегу, спасаясь от непогоды, а за ними гонятся высокие волны, похожие на движущиеся горы. Если в эту минуту в волнах покажется голова тюленя, эскимос, ни минуты не задумываясь, бросает в него опытной рукой свой гарпун, который несется, как стрела, среди брызг морской пены. Раненый тюлень обращается в бегство, увлекает за собою лесу с пузырьком; но охотник уже его догнал и нанес смертельный удар. Добыча привязывается к лодке, и охотник мчится дальше, совершенно спокойный, даже не подозревая того, что он совершил геройский поступок. Да, в такие минуты он действительно велик!

Последуем за эскимосом и проведем с ним на ловле целый день с утра и до вечера.

За несколько часов до восхода солнца эскимос взбирается на ближайшую гору и осматривает горизонт, чтобы узнать, какая предстоит на утро погода. Убедившись, что погода обещает быть благоприятной, он идет домой и одевает каячную шубу. В прежние благодатные времена он обыкновенно довольствовался тем, что выпивал несколько глотков холодной воды; но с тех пор, как он ознакомился с европейским бытом, он выпивает несколько чашек кофе, и к тому же очень крепкого. По утрам эскимос ничего не ест, потому что он говорит, что ему неудобно тогда сидеть в каяке и не так хорошо работается; с собою он берет немного жевательного табаку.

Когда каяк принесен на берег, и все орудия для ловли прикреплены к своим местам, эскимос протискивается в отверстие для сиденья и накрепко затягивает шубу вокруг обруча. Затем он отпихивает свой каяк в море. Вместе с ним выезжают и несколько других лодок его товарищей, живущих с ним по соседству. Все они вместе собираются выехать в море мили за две от берега, чтобы охотиться за тюленями.

Погода тихая, и волны лениво набегают на берег. Над водой и в узких проливах между прибрежными скалами носится легкий туман. Несколько каяков бок-о-бок скользят по воде, и среди полной тишины слышится лишь плеск весел. Иногда сидки каяков перебрасываются отдельными словами, минутами раздаются веселый громкий смех. Но вот один из них завидел птицу и ловким движением запустил в нее стрелу; раненая птица летит в воду и старается нырнуть, но эскимос хватает стрелу, которая в нее впилась, и тащит птицу на палубу; он вытаскивает стрелу, откусывает клюв птицы, быстрым движением свертывает голову и прикрепляет ее к ремню на палубе. Вскоре охотники миновали прибрежные скалы и островки и выехали в открытое море.

Проехав несколько часов, они добираются, наконец, до места ловли и видят в разных направлениях головы тюленей, которые то здесь, то там высовываются из воды. Охотники разъезжаются в разные стороны, каждый за своей добычей.

Боас, один из лучших охотников, увидел вдалеке громадного тюленя и быстро погнал свой каяк туда, где показалась желанная добыча; но тюлень скрылся под водою, и охотник долго должен ждать, пока он опять вынырнет.

Наконец показалась из воды темная круглая голова. Боас пригнулся к палубе каяка и тихонько приближается к тюленю, который спокойно и беспечно покачивается на волнах. Но вдруг животное насторожилось. Оно услышало плеск весла и смотрит на охотника своими круглыми глазами. Эскимос перестает грести и внимательно следит за добычей. Тюлень вскоре успокаивается

и нежится на солнце, высоко приподняв свою гладкую морду и втягивая в себя воздух. Каяк медленно приближается. Эскимос осматривает, в порядке ли леса, и держит наготове гарпун; но вдруг животное снова скрывается; приходится ждать, пока оно вынырнет где-нибудь поблизости. Время тянется медленно, но эскимос обладает замечательным терпением: он неподвижно сидит в своем каяке и только осторожно поворачивает голову во все стороны. Наконец вдали показывается голова тюленя, и он быстро и осторожно гребет в ту сторону. Если тюлень заметит человека, он прячется в воду, но очень быстро снова высовывается, из любопытства желая взглянуть на своего врага. Эскимос приблизился настолько, что решается бросить гарпун. Острие гарпуна свистит в воздухе, увлекая за собой длинную лесу. Тюлень бросается в сторону и старается скрыться под водой, но острие гарпуна уже впилося ему в бок, и тюлень от боли хлещет своим хвостом, взбивая кругом кровавую пену. Охотник, между тем, схватив в зубы метательное древко, бросает в воду плавательный пузырь, который плавает и прыгает на поверхности воды. Пузырь минутами исчезает под водой, но потом снова появляется, а каяк мчится за ним вдогонку; эскимос схватил по дороге древко гарпуна, которое отделилось от наконечника, и берет в руки копье, чтобы нанести последний удар. Тюлень выскакивает из воды, взбешенный тем, что не может спастись от своего врага, и, разорвав в клочья пузырь, бросается с разинутой пастью на своего преследователя. Эта минута очень опасна: один неверный удар, — и охотник может погибнуть. Храбрый Боас спокойно поднимает копье и с такой силой вонзает его в открытую пасть животного, что конец копья выходит на затылке. Животное трясет головой так, что древко копья шатается из стороны в сторону, но все-ж таки оно не может от него избавиться. В следующую минуту Боас всаживает в него под передний ласт другое копье, которое проходит через легкое и сердце. Животное вздрагивает; битва окончена. Боас подплывает к животному и, если оно еще двигается, добивает его ударом ножа. После этого охотник спокойно вытаскивает копья, ополаскивает и прикрепляет на прежнее место. Затем он достает буксирные ремни, буксирный пузырь, надувает его, и прикрепляет к ремню; вырезает из тела животного наконечник гарпуна, обматывает лесу вокруг ворота и, привязав животное к каяку, готов продолжать охоту и броситься на следующую добычу. Ему приходится грести недолго. Вскоре на поверхности моря он видит другого тюленя. Боас и это животное убивает так же, как и предыдущее, и тоже привязывает к каяку на буксире, причем одно животное привязывается с правой, а другое — с левой стороны каяка. Если ему случается увидеть еще тюленя, то он поступает точно таким же образом и привязывает затем одно убитое животное к другому; таким образом он тащит за собою до четырех тюленей, что, конечно, затрудняет движение каяка.

Другой охотник, такой же знаменитый, как Боас, по имени Тобиас, не сразу напал на тюленя; завидев одно животное, он бросился к нему, но оно скрылось под водой. В ту минуту, когда он бросился за тюленем, перед каяком вынырнул громадный самец тюлень, и в ту же минуту Тобиас бросает в него гарпун. Тюлень извивается в воде, как сумасшедший, леза развертывается с головокружительной быстротой, но зацепляется за лежащую на палубе стрелу, так что нос каяка наклоняется вперед, и охотник чувствует, что вода доходит ему до самых плеч. Из-под воды торчат только голова охотника и задний конец каяка. Казалось бы, что теперь все потеряно; эскимосы, находящиеся поблизости, изо всех сил спешат к нему на помощь, не надеясь, однако, добраться во-время, чтобы его спасти. Но Тобиас—великолепный пловец; он старается удержаться в равновесии, несмотря на опасное положение; тюлень стремится увлечь его на дно морское, но тот сторожит минуту, когда зверь покажется вновь на поверхности воды, и тогда, схватив копье, наносит ему смертельный удар в голову. Товарищи Тобиаса подплывают как раз во-время, чтобы помочь ему прикрепить животное к каяку, и получают в награду кусок тюленьего жира, который они тут же и съедают. Все в восторге от его смелого поступка, и рассказ об этом случае будет еще долго служить предметом разговоров в длинные зимние вечера.

До сих пор погода была прекрасная. Спокойная поверхность моря блистала, освещенная солнцем; но вот на горизонте показываются темные гряды облаков, слышится отдаленный шум ветра, и над морем носится туман из водяных брызг, поднятых надвигающейся бурей. Ветер дует с юга; такой ветер считается у эскимосов самым опасным.

Надо скорее спешить домой. Те, у кого нет добычи, двигаются быстрее, но предпочитают ехать вместе с прочими. Вскоре буря их настигает. Высокие волны покрываются пеною, и охотники чувствуют за собою эти волны, которые подбрасывают каяки, как щепки. До берега еще далеко, а волны заливают каяки так, что видны лишь головы пловцов да иногда кончики весел. Буря все крепчает, потемневшие волны вздымаются так высоко, что не видно даже неба. Всякий раз, когда волна подкатывается к каяку, пловцы нагибаются, прижимают весло к каяку и ждут, пока волна не перекатитесь через них. Все каяки скрываются под водою, а когда они вновь появляются на поверхности, то пловцы оглядываются, не случилось ли беды с кем-нибудь из товарищей. Если один из каяков опрокидывается, другие спешат к нему на помощь и стараются привести его в прежнее положение. Для этого эскимос подплывает как можно ближе к опрокинувшемуся каяку, протягивает через него свое весло, затем старается схватить товарища за руку и сильным движением вытаскивает его из воды, так что тот может схватиться за протянутое весло. При этом шуба часто отстает от обруча, вокруг которого она была привязана, и внутрь каяка

попадает немного воды, но не в таком количестве, чтобы она мешала дальнейшему путешествию.

Охотникам, которые тащат за собою добычу, приходится, конечно, труднее. Они обыкновенно отстают, а тяжелые убитые животные шлепают о бока каяков. Иногда у охотников мелькает мысль отрезать добычу и бросить ее на произвол судьбы, но потом они решаются еще немного потерпеть и побороться с бурей. Самый радостный момент для охотника—когда он въезжает с добычей в бухту и видит на берегу довольные и счастливые лица членов своей семьи; он думает об этой счастливой минуте во все время своего пути, и потому неудивительно, что лишь в крайнем случае решается расстаться со своей добычей.

Преодолев всевозможные препятствия, охотники, наконец, подплывают к прибрежным островкам и между ними находят защиту от яростного прибоя волн. Здесь они подвигаются быстрее и вскоре приближаются к берегу, куда собрались все женщины поселка, чтобы встретить охотников. Женщины обыкновенно заблаговременно на ближайшую высокую гору и, сбившись в кучку, напряженным взором всматриваются в бушующее море, стараясь выследить привычным взглядом маленькие черные движущиеся точки, которые они приветствуют радостными криками. „Едут, едут!“— кричат они, пересчитывая чуть виднеющиеся на горизонте точки. „Двух недостает!“—кричат они в военении „Вот один вынырнул, а вот и второй. Все, все целы!“— кричат они в радостном возбуждении.

Вскоре женщины начинают различать каждого отдельного гребца по форме каяка, по его манере грести, и уже вскоре отличают, кто из охотников вернулся с добычей. „Боас буксирует!“— кричит одна из женщин, и эта радостная весть переходит из уст в уста. Дети кричат и прыгают от восторга, и группы женщин устремляются с горы вниз, к самому берегу. Затем раздается крик: „Тобиас буксирует, и Сима, и Давид!“—и крики все усиливаются, и радость женщин и детей не знает пределов.

Наконец первые каяки показываются в самой бухте и быстро подплывают к плоскому берегу, легко подымаясь и опускаясь на волнах. Это те, у которых нет добычи. Женщины схватывают конец каяка и вытаскивают его на песок. Затем следуют те, которые тащат за собою тюленя. Они должны подплывать гораздо осторожнее и сперва отвязать добычу, которую вытаскивают на берег женщины. Когда охотники вышли из каяков, они вынимают оружие и весла и затем уже не заботятся ни о каяке, ни о добыче. Вся дальнейшая работа лежит на обязанности женщин.

Мужчины идут в свои хижины, снимают мокрое платье и слегка закусывают, но главная еда начинается только тогда, когда добычу приволокнут домой, разрежут, сварят и, вылив в большую чашку, поставят на пол. Тогда эскимосы поедают страшное количество мяса и жира.

Утолив свой голод, женщины принимаются за какую-нибудь работу, а мужчины или отдыхают, или чистят и чинят орудия для ловли и тщательно просушивают лесы от гарпуна. Они начинают неторопливо рассказывать всевозможные приключения, какие случились на море, при чем рассказ их очень сух и сдержан, без малейших прикрас, зато исполнен юмора, который вызывает громкий смех среди слушателей. Такое препровождение времени является выражением высшего семейного счастья эскимоса. Жизнь его, повидимому, очень однообразна, но эскимос любит эту жизнь, любит море, любит свою опасную работу на каяке, и долго сидеть дома для него—самое ужасное наказание. Старики, которые уже не могут выезжать на каяках, влечат самое печальное существование. Они также выползают на берег, радуются, глядя на возвращение охотников, и крайне довольны, если могут помочь вытянуть лодки и добычу на берег. Зато по вечерам, когда семья собирается вокруг горящего очага, они начинают длинные рассказы о былых временах, и их воспоминания разжигают энергию молодых и вселяют в них отвагу на новые геройские подвиги.

Не все охоты бывают так благополучны, как та, которую мы здесь описали. Нетрудно себе вообразить, какое неудобное положение занимает человек, втиснутый в узкое отверстие каяка, и как осторожны должны быть его движения, чтобы не опрокинуть свою утлую ладью. Сколько присутствия духа требуется для того, чтобы справиться с тюленем, который внезапно нападает на каяк, и убить его прежде, чем он разобьет каяк вдребезги. Самое опасное, когда животное ныряет из воды около самого борта каяка, потому что оно тогда легко опрокидывает лодку и нападает на самого человека, а иногда разрывает дно каяка. В таком случае требуется необыкновенное хладнокровие, чтобы вынырнуть из воды, вступить в борьбу с животным и спастись таким образом от неминуемой гибели.

Еще более опасным противником является морж; для нападения на это животное охотники обыкновенно собираются по нескольку человек вместе, чтобы помочь друг другу в случае опасности.

Морж—большое животное, приблизительно в $2\frac{1}{2}$ сажени длины, с толстой непроницаемой кожей и большим слоем жира. Надо очень сильную и верную руку, чтобы уложить такое животное на месте. Морж обыкновенно не бросается в бегство, а сам нападает на человека. У моржа громадные клыки, которыми он может нанести человеку большой вред. Кроме того, если поблизости находятся другие моржи, то они бросаются на помощь товарищам и окружают каяк со всех сторон. Даже норвежские охотники, выезжающие на больших лодках и снабженные ружьями, топорами и копьями, очень опасаются моржей; какое же требуется мужество, чтобы выехать навстречу такому животному в маленькой лодочке и, в большинстве случаев, одному. Но для

эскимоса такая охота—самое обыденное событие; он идет на всякую опасность с самой хладнокровной отвагой.

При охоте на моржа требуется прежде всего большое самообладание, чтобы победить всевозможные случайности, которые могут оказаться роковыми для охотника. Иногда морж протыкает своим длинным клыком дно каяка и впивается в тело охотника; тогда товарищи спешат на помощь, убивают моржа, и раненый эскимос имеет еще достаточно силы, чтобы, зачинив каяк, добраться домой. Эскимосы вообще с большим мужеством переносят всякую боль. Следующий рассказ может послужить тому примером: „Однажды охотник отправился в открытое море и, добравшись до места ловли, увидел перед собою громадного тюленя. Он схватился за ружье, чтобы выстрелить, но задел курком за ремень, и весь заряд попал ему в нижнюю часть живота. Когда эскимос немного пришел в себя, то выполз на льдину и прилег на нее. Однако, с севера подул резкий ветер, на льдину стали набегать волны, и он принужден был снова залезть в свой каяк и направить его на обратный путь к берегу. Удивительно, что у него хватило настолько силы, чтобы добраться до бухты и вытянуть каяк на берег. Тут только он лишился чувств, и его нашли, уже через несколько часов, еще живым, несмотря на ужасную потерю крови. Он прожил еще три дня и умер совершенно спокойно, потому что эскимосы вообще не боятся смерти“.

Промысел эскимоса, как мы видели, сопряжен с большими опасностями; тем не менее, он им охотно занимается, и если бы у эскимосов существовала летопись, то она могла бы перечислить целый ряд истинно-геройских подвигов. Таков народ, который напрасно зовут трусливым, и на который европейцы позволяют себе смотреть свысока.

Г л а в а V.

Зимние дома, шатры, женские лодки и кочевка.

Зимой эскимосы живут в домах, сложенных из камня и дерна. Дома эти, с почти плоской крышей, возвышаются около двух аршин над землей и на пол-аршина зарыты в землю; они весьма неприглядного вида. Издали такой дом напоминает небольшую кучку земли.

В домах имеется одна только комната, в которой живет по нескольку семей; она так низка, что человек среднего роста не может в ней вполне выпрямиться. Дом имеет форму длинного прямоугольника; по одной из длинных его сторон тянутся нары, на которых спят все обитатели хижины: мужчины, женщины и дети, ногами к стенке, а головою к середине комнаты. Неженатые мужчины спят обыкновенно на отдельных нарах, под окош-

ками, на противоположной длинной стене. Окошки прежде обыкновенно затягивались пузырем, но теперь почти во всех домах вставлены стекла. У коротких поперечных стен устроены тоже нары; на них спят гости.

Просто удивительно, как мало требуется места для житья эскимосу. В домике, в четыре сажени длины и около двух сажень ширины, помещалось иногда восемь семей, состоявших из тридцати восьми человек; конечно, при таких условиях не может быть речи о просторе.

Постели состоят из оленьих или тюленьих шкур; прежде такие же шкуры служили и одеялами, но теперь эскимосы любят укрываться пуховиками. Стены и пол тоже устилались ка-

Рис. 11. Зимние жилища эскимосов в западной Гренландии.

менными плитами, но, благодаря услугам европейцев, они теперь отделывают свои жилища досками, и им случается даже мыть пол, правда—не чаще двух раз в год.

В жилище ведет узкий темный проход, прорытый в земле, а сверху выложенный камнями и дерном. Проход обыкновенно настолько узок и низок, что в него можно пробираться лишь ползком; а если человек немножко тучен, то ему грозит опасность застрять в проходе и взывать о помощи. В комнату входят через узкое четырехугольное отверстие, сделанное в одной из коротких стенок и закрытое дверью или просто заставленное досками.

Длинный узкий проход устроен для того, чтобы холодный наружный воздух не проникал свободно в дом, а внутренний теплый не выходил наружу.

В первобытных гренландских домах не существовало очага. Они освещались и согревались лампами-плошками, в которых горел тюлений жир. Ночью лампы горят не только ради тепла, но и потому, что эскимос очень суеверен и страшно боится темноты. Про настоящего бедняка очень часто говорят; „он так беден, что не может ночью жечь лампу“.

Лампы представляют собою плоские полукруглые чашки из стеатита или жировика, в форме лунного серпа; с правой стороны чашки плавают фитиль, свернутый из тряпок или сухого мха. Лампы ставятся на высокую ножку и затем еще на стол или возвышение около нар. Каждая семья имеет свою лампу. Поэтому, если в доме живет несколько семей, то там горит и несколько ламп, потому что каждая семья зажигает по крайней мере одну лампу, а иногда и несколько. Пища прежде варилась над этими лампами в горшках, подвешенных к потолку. Так это делается и теперь на восточном берегу Гренландии, на западном же берегу обыкновенно устраивают очаги направо или налево от входной двери. Вместо дров употребляют торф, а также гуано—сухой помет чаек. Вместо каменных горшков употребляются железные, которые можно купить в европейских колониях. Западные гренландцы дошли до такой роскоши, что покупают себе печи; но лампы продолжают гореть по-прежнему, если не для тепла, то для света.

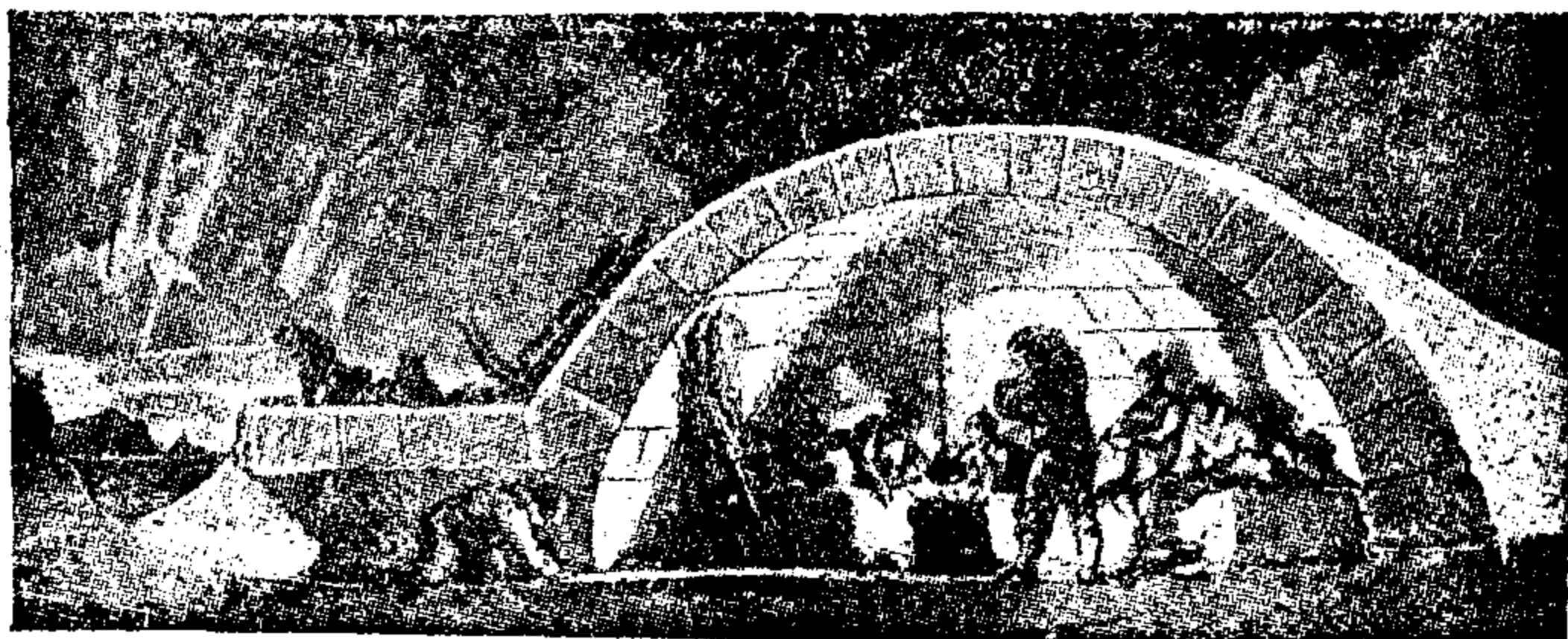

Рис. 12. Зимнее жилище эскимоса (разрез).

Как мы уже говорили, эскимосы помещались по несколько человек в одном доме, но европейцы уговорили их селиться отдельными семьями, награждая тех, которые строили себе отдельные дома. Но такое нововведение не всегда служило на пользу эскимосам, потому что дома стали строить не так основательно, и в них гораздо холоднее.

В длинную суровую зиму в многосемейных домах бывает довольно тепло, и в них еще можно жить но летом со стен начинает течь, с потолка постоянно капает вода, а иногда он и совсем проваливается, так что жить там бывает более чем неудобно. Поэтому в прежние времена гренландец, еще до наступления весны, покидал свое жилище и даже раскрывал крышу, чтобы оно могло хорошо проветриться. Все лето и часть осени до октября месяца эскимосы жили в шатрах, при чем каждая семья помещалась отдельно. Эти шатры имели полукруглую форму, при чем в более высокой прямой стене была устроена входная дверь. Внутри все было устроено так же, как и в домах: нары тянулись вдоль полукруглой стены, напротив входной двери, которая была завешена полупрозрачной кожей из внутрен-

ностей животных. Наружные стены шатра состояли из непромокаемых кож, обыкновенно из старых каячных покрышек, а внутри висели олени или тюленьи шкуры, мехом внутрь. Эти шатры были настолько теплы, что эскимосы и здесь, как у себя в домах, ходили почти голые.

В летнее время эскимосы обыкновенно выезжают в море на длинных лодках сажен в 6, которые управляются женщинами, почему европейцы и называют их женскими лодками. Эти открытые лодки состоят из деревянного остова, очень плоскодонны, не имеют палубы и обтянуты так же, как и каяки, тюленьими шкурами. Эти лодки очень легки на ходу, но чрезвычайно неповоротливы и легко опрокидываются; поэтому, как только поднимается ветер, их сейчас же поворачивают к берегу. В такие лодки помещается все достояние эскимоса: разобранный шатер, домашняя утварь, дети, собаки и т. д. На весла садится до десяти женщин, а глава семьи садится к рулю; остальные мужчины плывут в своих каяках вслед за лодкой. В этих семейных лодках гренландцы переезжали летом с одного места улова на другое и оставались месяца по два в таких заливчиках, около которых водились тюлени. Они ходили на охоту и жили в свое удовольствие.

Гренландцы предпринимали прежде далекие поездки вдоль западного берега, проплывая иногда более ста миль. Двигались они, правда, не торопясь, иногда в два месяца проезжая небольшое расстояние. Если им попадалось по дороге место хорошего улова тюленей, они разбивали там шатры и жили подолгу. Когда наступала зима, они выбирали себе удобннее место для постройки зимних домиков. Так поступают еще многие гренландцы восточного побережья. Посредством такой перекочевки гренландцы избегали опасности засиживаться слишком долго на одном месте. Они встречались с другими людьми, и летом по всему побережью царил очень оживленная жизнь. Эскимосы проникались новыми интересами, делились впечатлениями, но главное, на что влияла перемена места, это—обилие получаемой добычи; к сожалению, и тут влияние европейцев клонится не в пользу эскимосов, которых они почему-то хотели непременно отучить от кочевки и заставить вести оседлую жизнь. Многие гренландцы теперь уже не покидают насиженных мест. Они значительно обеднели, ощущают недостаток в тюленьих шкурах, почему и не могут устраивать шатров, а принуждены жить целый год в тесных вонючих домах, где разводятся всевозможные бактерии и миазмы. Им приходится постоянно выезжать на одно и то же место за добычей; ее же становится все меньше и меньше, а потому и питание эскимосских семей теперь гораздо скуднее. В последнее время положение эскимосов настолько ухудшилось, что внушает самые серьезные опасения.

Г л а в а VI.

Кушанье и лакомства.

Как это ни удивительно, но эскимос не признает определенных часов для принятия пищи; он ест тогда, когда голоден, если, конечно, имеется какая-нибудь пища. Эскимосы могут долгое время проводить без еды, но зато сразу поедают громадное количество мяса и жиру.

Приготовление пищи весьма несложно. Мясо и рыба съедается, обыкновенно, в сыром или замороженном виде, иногда вареном, иногда сушеном. Мясо часто бывает немного сгнившим, его тогда называют „микиак“ и съедают просто, без всяких приправ. Одно из любимых блюд—гнилые головы тюленей. Тюлений и китовый жир обыкновенно съедается сырым. Каждый образованный европеец почувствует отвращение при мысли, что можно есть сырой жир, но я могу сказать, что у него очень приятный вкус, немного сладковатый, напоминающий сливки. Неприятный запах получается лишь тогда, когда его варят или жарят, или когда жир испортится. Существует мнение, что эскимосы любят пить топленый жир; они, конечно, не брезгают и таким кушаньем. Когда я жил в Годхабе, в Гренландии, у меня была служанка Розина; прежде чем заправить лампу, она отпивала из нее два или три глотка жира. Эскимосы очень любят нечто вроде компота из дудника (ангелики) с топленным жиром. Кроме дудника, они употребляют в пищу еще и другие растения: одуванчики, щавель, воронику или водянику и различные водоросли.

Самым большим лакомством считается содержимое оленьего желудка. Если гренландцу удастся убить оленя, и он не может привезти всего зверя домой, то он обыкновенно вырезает желудок и преподносит его даме своего сердца. Причина, почему они так любят такое странное кушанье, заключается в недостатке растительной пищи. Олень для своего питания отыскивает самые нежные мхи и растения, и они образуют у него в желудке довольно пикантное блюдо. Многим это покажется ужасною гадостью, но я, с позволения сказать, испробовал этого блюда и не нашел его очень противным. Оно немного напоминает перестоялое кислое молоко. К нему прибавляют кусочки жира и ягоды вороники. Другое блюдо, которое тоже не совсем было бы по вкусу европейцам,—это внутренности птиц, главным образом, белых куропаток, причем эскимосы не только едят желудок, но и проглатывают с удивительной ловкостью все кишки. Читатель извинит меня, если я не могу сообщить ему о вкусе такой пищи, потому что это единственное кушанье эскимосов, которого я не испробовал.

Другое лакомство представляет из себя кожа различных китовых пород; кожа снимается с толстым, лежащим под нею, слоем жира и съедается, без дальнейших церемоний, сырою. За это блюдо эскимосы заслужили мое глубокое уважение. Уверяю читателя, что теперь, при одном воспоминании об этой жирной коже, у меня слюнки текут. Устрицы—ничто в сравнении с этим лакомством, которое имеет перед ними еще то преимущество, что его можно жевать без конца. Даже датчане любят это кушанье, но они делают ту ошибку, что варят кожу, отчего она делается похожей на студень и теряет удивительный вкус орехового зерна и устриц. Вареная кожа так же безвкусна, как если бы вы глотали воздух.

Сырая кожа тюленей с приставшим к ней жиром также охотно поедается эскимосами, но она не так вкусна, как китовая кожа и, кроме того, приставшие к ней волосы неприятно щекочут горло, так что их приходится выплевывать.

Эскимосы едят мясо тюленей, китов, оленей, зайцев, медведей, птиц, даже собак и лисиц. Единственная птица, которой они пренебрегают,—это ворона. Их мясо считается нечистым, потому что они ищут пропитания в навозных кучах. Эскимосы любят исключительно жирное мясо, а тощее, как бы вкусно оно ни было, презирается ими. Конечно, во время голодовки они едят все, что угодно, и даже варят похлебку из кусков старой кожи.

Кушанья у них подаются совсем не так, как у европейцев; столов у них вовсе не существует. Миски с кушаньем ставятся на пол, обедающие ложатся на нары и достают кушанья прямо руками. Им даже и в голову не приходит поставить миску хотя бы на ящик. Повидимому, им даже нравится наклоняться за каждым куском.

Из всех продуктов, привезенных европейцами в Гренландию, эскимосам больше всего нравится кофе, и они поглощают его в слишком большом количестве. Они варят его очень крепким и выпивают зараз по две полоскательных чашки. Они готовы хоть пять раз на дню пить кофе, говоря, что он очень вкусен и веселит душу. Эскимосы, однако же, очень скоро догадались, что кофе—довольно вредный напиток, и поэтому не дают его пить молодым людям, из которых они надеются сделать хороших охотников. „От слишком большого употребления кофе человек теряет верность движения, и с ним может случиться несчастье на охоте,—говорят эскимосы, и в этом отношении они совершенно правы, потому что дознано, что яд, заключающийся в кофе—кофеин, действует прежде всего на нервные центры, управляющие движениями.

После кофе они больше всего любят табак и сладкий хлеб. На западном побережье Гренландии больше всего курят и жуют табак, а на восточном побережье в большом почете табак нюхательный. Женщины на западном побережье также любят нюхать

табак, и этим занимаются даже молодые девушки. На восточном побережье нюхательный табак служит вместо приветствия. Эскимос не говорит: „здравствуйте!“ или: „как я рад вас видеть“, а прямо протягивает гостю табакерку, и тот в свою очередь угощает его своим табаком. При прощанье повторяется та же самая церемония. На западном берегу Гренландии эскимосы готовят табак для жвачки совсем особенным образом. Длинные фарфоровые трубки, получаемые из Дании, до половины набиваются табаком, который смачивается, затем трубка набивается до краев сухим табаком и зажигается. Трубка курится только до тех пор, пока пламя не коснется мокрого табаку; тогда она тухнет, а содержимое выколачивается из трубки вместе с накопившимся табачным соком, и табак для жвачки готов. Его обыкновенно забирают с собой, когда выезжают на охоту.

К счастью, правительство запретило продавать эскимосам водку, но европейцы, живущие в Гренландии, имеют право выписывать водку для себя и угощать ею эскимосов. Эти угощения происходят, главным образом, при совместных поездках на лодках или при заключении какой-нибудь торговой сделки.

Все эскимосы, мужчины и женщины, страстно любят водку не потому, чтобы водка была вкусна, а потому, что нет лучше состояния, как быть пьяным. Эскимосы пользуются всяким случаем, чтобы напиться, и жены находят их восхитительными в состоянии опьянения. В их оправдание я должен заметить, что эскимосы далеко не так отвратительны в пьяном состоянии, как европейцы, и очень редко выражают склонность затевать драки.

До приезда европейцев в эту страну, эскимосы не знали, что такое водка. Когда приближался праздник Рождества Христова, эскимосы осведомлялись, скоро ли европейцы начнут сходить с ума; они считали это сумасшествие неизбежным последствием праздника, и оно служило им мерилем для определения времени года. Только гораздо позднее они узнали, что такое состояние является после угощения напитком, который они окрестили названием: „от него теряется рассудок“, и только впоследствии научились называть его „шнапсом“.

Г л а в а VII.

Характер и общественные отношения.

Гренландец из всех людей, живущих на свете, отличается наибольшим добродушием. Миротребие и уживчивость — вот два главные качества его характера. Он стремится жить в мире со своими ближними, а потому ему и в голову не приходит оскорблять их или говорить грубости. В языке эскимосов даже нет

соответствующих ругательных слов. Эскимос не любит противоречить даже тогда, когда знает, что то, что ему рассказывают, не вполне согласуется с истиною. Всякое противоречие он старается облечь в возможно мягкую форму, и для него прямо немислимо открыто обличить другого человека во лжи. Он также очень неохотно говорит другому правду, если она может показаться собеседнику неприятной. Он ограничивается обыкновенно неопределенными замечаниями, даже если дело касается таких безразличных предметов, как хорошая или дурная погода. Если у него что-нибудь украдут, и он знает, кто вор, то редко требует обратно похищенное. Поэтому между эскимосами почти не бывает ссор. Им некогда тратить время на пустую перебранку, так как никакому народу не приходится расходовать столько сил на борьбу с природой; они говорят, что им не расчет тратить эти силы на пустяки.

Эскимос собственно очень счастливый человек. Нрав у него беззаботный, и он обыкновенно бывает весел, как ребенок. Всякое горе его сильно поражает лишь в первую минуту, а затем он снова сияет и вполне доволен своим житьем-бытьем. Беззаботный по природе, он редко задумывается о будущем. Если у него есть пища, он доволен и не тревожится тем, что ему придется, быть может, голодать в будущем,—что в последнее время случается, к сожалению, слишком часто.

Эту беззаботность обыкновенно ставили ему в вину, и европейцы старались воспитать в нем чувство предусмотрительности по отношению к хозяйству и пропитанию. Это легкомыслие, однако, и составляет главный источник мужества для эскимоса. Всякий бедняк больше всего тревожится о том, что ему и его семье придется пережить в будущем. Эскимосу же неизвестны такие страдания. Если он и голодал и переживал тяжелые времена, он все забывает в ту минуту, когда ему предстоит возможность насытиться. Воспоминания о перенесенных лишениях не мешают ему наслаждаться хотя бы и кратковременным благополучием. Единственно, что нарушает его радостное настроение—это вид чужого страдания. Поэтому эскимос всегда охотно делится с бедняком до тех пор, пока у него есть чем делиться. Сердце эскимоса особенно страдает, если он видит, что голодают дети, и взрослые кормят их, лишая себя часто последнего куска. Эскимос всегда надеется на лучшие времена, и эта надежда помогает ему переживать очень продолжительные голодовки.

Взаимные отношения эскимосов были основаны на очень благотворных обычаях и правилах, которые передавались потомству из уст в уста и очень редко нарушались. Но вот европейцы приехали в их страну; не изучив, как следует, народа, они вообразили себе, что призваны совершить необыкновенное преобразование, и постарались пошатнуть коренные мировоззрения туземцев. Эскимосы слушали незнакомцев с нескрываемым уди-

влением. До сих пор они были довольны собою и всем миром и даже не подозревали, что они—такие плохие люди.

Благодаря влиянию более высокой культуры, европейцы, конечно, в конце концов покорили эскимосов и вызвали среди них самые пестрые смещения понятий. Европейские и туземные взгляды и обычаи перепутались и вызвали смуту в умах, но так как эскимосы—очень консервативный народ, то и теперь они сохранили много первобытных понятий и воззрений.

Как у всех народов, живущих охотою, понятие о правах собственности у них весьма растяжимо. Лично эскимосу принадлежат его каяк, одежда и орудия для охоты. Эти предметы считаются неприкосновенными; каждый эскимос должен содержать свою семью, а потому все, что составляет принадлежность охоты, должно лежать на том месте, на которое положил эти вещи хозяин; они весьма редко отдаются напрокат. Домашняя утварь является достоянием всей семьи, живущей в одном доме, и только принадлежности для рукоделья женщин представляют личную собственность каждой из них отдельно. Дом принадлежит всей семье или нескольким семьям, которые живут вместе.

Эскимос не имеет понятия о земельной собственности, но существует сбычай никогда не селиться близ места, занятого другими, если на то не последовало их согласия. Пловучий лес принадлежит тому, кто нашел его в воде, где бы то ни было. Чтобы удержать за собою право пользоваться этим лесом, он должен вытащить его на берег и сделать на нем какую-нибудь особенную пометку. Эскимос очень уважает подобную собственность, и если он положил ее куда-нибудь на берег, то может быть уверен, что найдет ее там, хотя бы через несколько лет, если только это место не посетили европейцы. Вот некоторые правила эскимоса относительно отдачи займы или продажи:

„Если кто-нибудь одолжил другому лодку, стрелы или лесы или какое-нибудь другое орудие для охоты, и это имущество будет попорчено вследствие неудачи на охоте или каких-нибудь других, независящих от человека, обстоятельств, то убыток падает на того, кто дал эти предметы займы, а не на того, кто их получил. Если же кто-нибудь взял орудие без спроса, не предупредив о том хозяина, и оно повредилось на охоте, то он должен его исправить и вернуть хозяину в прежнем целом виде“. Случается это очень редко, потому что эскимос должен быть в особенно безвыходном положении, чтобы позволить себе воспользоваться чужою собственностью, не спросясь.

„Если кто-нибудь купил у другого какой-нибудь предмет, и он ему не понравился, то он может отдать его обратно, даже по истечении довольно продолжительного срока. Если покупаются довольно ценные предметы, как, например, лодки или ружья и покупатель не имеет средств выплатить всю сумму наличными ему охотно отпускают в долг. Если должник умер, не заплат

всех денег, то его кредитор уже не предъявляет больше никаких требований“.

Гренландец вообще не может накоплять никаких сокровищ, потому что вокруг него живут всегда нуждающиеся, с которыми он обязан делиться; даже убитая добыча не принадлежит по праву исключительно тому, кто ею овладел. О распределении этой добычи существуют определенные обычаи, и только некоторые породы рыб эскимос может сохранить исключительно для своей семьи. Тюлень обыкновенно делится между теми, кто участвовал в ловле, а иногда каждая семья поселка получает по определенному куску. От моржа и кита сам охотник получает сравнительно очень небольшой кусок, хотя бы он убил его вполне самостоятельно. Когда на берег вытаскивается большого размера кит, то все обитатели поселка бросаются на него с ножами, и каждый начинает с поспешностью отрезать себе кусок, причем нередко ранит своего соседа.

Если же в поселке свирепствует голод, то охотник обыкновенно ничего не оставляет себе из добычи, а считает долгом устроить пир и дать другим возможность поесть свежего мяса, которого они, быть может, были долго лишены.

Если улов бывает хорош, то пиры задаются на славу, и все едят до тех пор, пока кусок не станет поперек горла. Остатки убираются и прячутся на зиму. Когда наступает голод, то все обязаны делиться последним куском, а когда последний кусок съеден, то все голодают сообща, а иногда и умирают с голода. Иметь кусок в запасе, когда кругом голод,—таких случаев не бывает среди гренландских эскимосов.

Из нашего рассказа видно, что у эскимосов существует обычай делить свою добычу между обитателями поселка для того, чтобы каждому не приходилось ежедневно выезжать на охоту. Такой обычай выработался опытом долгих лет и обратился в закон, которому все строго подчиняются.

Помогать в нужде другим—вот первое правило общежития эскимосов. Небольшие поселки живут всегда дружно; суровая жизнь научила эскимоса, что даже опытный охотник должен в один прекрасный день, вследствие ли болезни или неудачи, обратиться за помощью к соседу, а потому он и сам считает своим долгом быть всегда наготове, чтобы оказать другому помощь. Сама природа научила их помогать ближним.

Эскимос—очень радушный хозяин; каждый путешественник может зайти в первый попавшийся дом эскимоса и пробыть там, сколько угодно. Когда путник уходит, ему дают с собой обильный запас пищи, при чем никогда не берут никакой платы.

Гостеприимство—это такая обязанность, которая вытекает из самых условий суровой природы севера. Частые метели и бури заставляют путника искать приюта и дожидаться, пока погода изменится к лучшему. Эта же суровая природа заставляет

жителей тесно сплачиваться между собою и таким образом бороться сообща против тяжелых условий жизни.

Г л а в а VIII.

Положение и работы женщин.

Часто приходится выслушивать мнения, что степень культуры какого-нибудь народа зависит от положения женщины. Я сам лично не вполне разделяю такую точку зрения; но если держаться такого мерил, то надо предположить, что степень культуры эскимосов вовсе не так низка, так как женщины у них пользуются довольно значительным влиянием.

Конечно, согласно первобытным взглядам эскимосов, женщина считается собственностью мужчины: они могут украсть, купить или обменять своих жен, иметь их несколько, если у них на то есть средства. Тем не менее, обращение с женщинами всегда хорошее, пожалуй, даже лучше, чем у других народов, где взгляд на женщин как будто несколько иной.

Эскимос ~~находит~~ что женщина не может выказать столько мужества и самообладания, как мужчина, а потому и не может выезжать на охоту. Отсюда у эскимосов ~~явилось~~ полное разделение труда.

На мужчину возложена серьезная и опасная обязанность: выезжать в море, убивать добычу и буксировать ее к берегу. Но здесь его встречают женщины, которые помогают вытащить каяк на берег и отвязать добычу. Мужчины заботятся только о своем оружии для охоты и о целостности каяка.

Женщины разделяют добычу на части, согласно известным установленным правилам, и дележ всецело зависит от хозяйки дома. Кроме того, женщины должны варить кушанье, дубить кожи, обтягивать ими каяки и другие лодки, шить одежды и справлять всякие домашние работы. Если семья выехала на оленью охоту, то мужчины только убивают животное, а женщины волокут убитого зверя к шатру, что иногда представляет весьма нелегкую задачу. Женщины выезжают иногда на ловлю мелкой рыбы, но случается, что они помогают и при ловле тюленей; этих животных иногда направляют в узкие проливчики между прибрежными скалами и оттуда гонят к берегу.

Женщины только весьма редко решаются выехать в каяке, но говорят, что на восточном берегу есть девушки, которые выезжали в море, одевались по мужски и вели совсем мужской образ жизни. Но такие явления представляют собою лишь исключительные случаи.

Мужчина проводит большую часть времени на море, а женщина сидит дома и почти постоянно занята работой; мужчины,

вернувшись домой, обыкновенно только лентяйничают, спят или занимаются рассказами. Единственным их занятием на суше является чистка и починка охотничьих снарядов. Женщины садятся обыкновенно на нары, поджав ноги, как наши портные, и занимаются шитьем, вырезыванием кусочков кожи острым и кривым ножом, при чем язык их ни на минуту не умолкает, потому что они по природе очень говорливы и оживлены.

Главною и самую трудною обязанностью является дубление кож; они приготавливаются или белыми, или черными. Черные кожи приготавливаются таким образом: с них сейчас же соскабливают подкожный жир и затем их кладут в мочу дня на два или на три, пока шерсть не начнет свободно отделяться от кожи; ее тогда соскабливают, а кожу полощут в морской воде; затем, если дело происходит летом, ее вывешивают на солнце, а зимою зарывают в снег. Кожа остается черной, потому что на ней сохраняется ее наружный слой, который у тюленей бывает черный или темно-коричневый.

Желая приготовить белую кожу, эскимоски точно так же соскабливают подкожный жир, но потом свертывают ее и кладут в какое-нибудь теплое помещение. Там кожа лежит до тех пор, пока наружный темный слой не отмокнет вместе с волосами. Тогда женщины сдирают его тупой раковиной, а чаще всего—зубами. При этом эскимоски с удовольствием посасывают жир, оставшийся на коже, который всегда приходится им очень по вкусу. После этого кожи летом развешиваются для просушки в затененные места, при чем их часто переворачивают, а зимою, так же как и черные, зарывают в снег. Кожа, приготовленная таким образом, отличается необыкновенной белизной.

Черные кожи употребляются для обивки каяка во время зимних поездок на море, а белые—для летних поездок, при чем они усиленно смазываются тюленьим жиром.

Для того, чтобы приготовить кожу для обуви, с внутренней стороны соскабливают не только жир, но и часть кожи, пока она не сделается совсем тонкой. После мочки с нее соскабливают волос, а затем растягивают для сушки. Чтобы получить белую кожу, с нее соскабливают не только волос, но и темный верхний слой. Белая кожа не так непромокаема, как черная, поэтому ее носят преимущественно женщины, которые или оставляют ее белой или красят в разные цвета; чтобы получить совсем непромокаемую кожу, ее натирают кровью, например, для приготовления рукавиц. Если требуется приготовить кожу для одежды, сохранив на ней мех, то с нее соскабливают внутренний слой кожи, затем моют зеленым мылом и выполаскивают в воде, после чего сушат; чтобы кожа была мягче, ее хорошенько растирают. Оленью кожу только сушат, но не мочат.

Птичья кожа осторожно просушивается с наружной стороны, затем с внутренней соскабливается жир, который тут же поедается, как особое лакомство. После того кожа развешивается для про-

сушки, а затем особенно старательно высасывается оставшийся на ней жир. Это высасывание происходит совсем особенным образом: кожу понемногу забирают в рот и с жадностью слизывают жир; после того, как она вся исчезла во рту, ее выплевывают уже совершенно чистою. Эта работа производится исключительно женщинами и детьми и считается приятной забавой. После того как кожа совершенно очищена от жира, ее моют в горячей воде с содой, а затем хорошенько выполаскивают в самой холодной воде. После просушки такая кожа годна для употребления. Гренландки употребляют для работы не только свои руки, но и рот, как для вытягивания кож, так и для того, чтобы удобнее соскабливать с них жир. Прямо невероятно, как они могут брать в рот кожу, после того как ее вынули из мочки, и сдирать зубами верхний слой, покрытый волосами. Для эскимоски рот—все равно, что третья рука. Зато у старух бывают всегда истершиеся и испорченные зубы,

Эскимосские женщины—отличные работницы и особенно мастерицы в шитье. Надо удивляться, с каким искусством они составляют всевозможные узоры из кусочков кож, которыми украшают свои одежды.

Прожив с эскимосами несколько времени, вовсе не приходишь к тому убеждению, будто их женщины находятся в приниженном состоянии. Напротив, мне показалось, что во многих делах голос их имеет решающее значение. Правда, в общественном отношении между мужчиной и женщиной существует известная разница. За обедом мужчинам и, в особенности, отважным охотникам, еда и кофе предлагается прежде всего. После них едят женщины и дети.

Эскимосы не выказывают также особенной вежливости по отношению к женщинам и, когда те заняты тяжелой работой, только смотрят на них да посмеиваются, не думая о том, чтобы помочь им

Тот факт, что женщины не пользуются таким значением, как мужчины, отчасти обнаруживается лишь при рождении ребенка. Если родится мальчик, отец и мать так и сияют от счастья; если же родится дочь, оба плачут или выказывают свое полное неудовольствие. Но можно ли этому удивляться? Хотя эскимос и очень добр по природе, но ведь и он только человек. Мальчик представляется для него будущим охотником, опорой семьи и кормильцем престарелых родителей, а с другой стороны он находит, что девочек уж и так довольно на свете. Подобные же воззрения наблюдаются и при воспитании детей. Если у мальчика умирают родители, то он очень скоро находит себе воспитателей, и к нему относятся внимательно и заботливо. Другое дело, если сиротой остается девочка: ее, правда, сытно кормят, но очень плохо одевают, почему они часто имеют весьма жалкий вид. Зато когда сирота достигает совершеннолетия, то занимает такое же положение, как и всякая другая девушка, и ценится постольку,

поскольку она хорошая хозяйка и ловкая работница. Если девушка плохая работница, то она ни в каком случае не может рассчитывать на замужество, так как у эскимосов есть из чего сделать выбор, и они избегают брать себе в дом лентяйку.

На мальчика смотрят, как на живой капитал. Поэтому вдовы, у которых есть сыновья, очень легко находят себе второго мужа.

Даже умирающая женщина пользуется меньшим вниманием, чем мужчина; ее готовы похоронить чуть ли не живьем, что иногда, к сожалению, и случалось; объясняется это тем, что эскимосы страшно боятся мертвецов и не любят к ним прикасаться. Когда кто-нибудь тяжело болен, все равно мужчина или женщина, они уже заблаговременно надевают на больного погребальные одежды и готовят все, что нужно для выноса и зарытия трупа. Точно так же и на море они редко помогают тому, кого считают погибшим, боясь прикоснуться уже не к живому, а к мертвому человеку.

Г л а в а IX.

Любовь и брак.

В суровой Гренландии люди так же подвержены любви, как и в других благодатных странах земного шара. Любовь гренландца похожа на простой безыскусственный полевой цветок и не имеет ничего общего с искусственными наслаждениями наших цивилизованных народов. Когда мужчина влюбляется в женщину, он не думает заниматься отвлеченными мечтами, а выезжает в море, чтобы еще с большей энергией заняться ловлей и добывать средства для прокормления своей будущей семьи. Его молодая скромная подруга взбирается на ближайшую гору и смотрит с восторгом, как ее милый ловко скользит в своем каяке, покачиваясь на волнах. Лицо ее выражает искреннее чувство, и вся она миловидна и прелестна. Охотник давно уже скрылся за горизонтом, а эскимоска все стоит и смотрит в безбрежную даль, где нашли свою смерть столько отважных охотников.

Когда он, наконец, возвращается, таща на буксире убитую добычу, она бежит на берег и помогает втащить каяк и убитого зверя. Он берет свои орудия и спокойно идет домой. Она же смотрит ему вслед восторженным взором и думает, что скоро можно будет сыграть свадьбу.

Но бывают случаи, когда жених не возвращается; его поглотило море, и эскимоска напрасно ждет своего милого. Тогда слезы льются по ее лицу. Она плачет без конца и говорит, что не переживет своего несчастья. Однако проходит два-три дня, и она понемногу успокаивается: „ведь на свете еще есть много

мужчин“!—думает она и начинает высматривать себе другого жениха.

Эскимосы обыкновенно женятся тогда, когда могут прокормить свою жену. Браки не всегда заключаются по любви, а часто потому, что в доме нужна хозяйка, чтобы готовить кожи и шить одежды. В прежние времена браки заключались очень легко. Если мужчине нужна была хозяйка, он высматривал себе девушку. Затем, в один прекрасный день, отправлялся в тот шатер, где она жила, хватал ее за волосы или за руку и тащил в свой шатер, где усаживал на нары. Будущий супруг дарил ей лампу или ведро для воды, и тем дело кончалось. Согласно эскимосским обычаям, девушка ни в каком случае не должна была показать, что муж ей нравится, если даже она его любила. Она должна была сопротивляться ему изо всех сил, кричать и голосить. Особенно хорошо воспитанная девушка должна была голосить целый месяц и даже убежать от мужа. Если такое хорошее воспитание, наконец, надоедало ему, то он мог надрезать подошвы ее ног ножом, чтобы отучить от побегов. После этого жена обыкновенно принимала довольный вид и не делала попыток к бегству даже тогда, когда раны заживали.

Такие обычаи существуют еще до сих пор на восточном побережье Гренландии. Родственники увлекаемой невесты равнодушно смотрят на ее борьбу с женихом, так как считают это ее личным делом и, вообще, по своей природе не любят мешаться в чужие дела.

В прежние времена эскимос так же скоро разводился, как и женился. Если жена ему не нравилась, он давал ей понять свое нерасположение, и она безропотно собирала свои вещи и одежду и возвращалась в дом родителей. При этом она старалась не выдавать волновавших ее чувств. Развод особенно легок, когда нет детей. Ребенок, а тем более мальчик, является связующим звеном, и брак не так легко расторгается.

Если жители восточного побережья могут содержать еще одну жену, то они ее приводят в дом, не обращая внимания, нравится ли это или нет первой жене. Часто это делается для того, чтобы помочь ей в работе, а иногда для получения потомства, если первая жена бездетна. Но вторая жена никогда не пользуется таким почетом, как первая, даже в том случае, если она—любимая. С введением христианства многоженство, конечно, прекратилось; когда женатый эскимос крестится, он должен расстаться со второй женой, что он делает очень неохотно, в особенности если от нее были сыновья. Отвергнутая жена возвращается к родителям и носит на голове зеленую ленту в знак того, что дети ее незаконные.

Положение замужней женщины в Гренландии бывает различно, смотря по обстоятельствам. Вообще главой считается муж, но бывает, что в доме командует и жена. В прежние времена жена считалась собственностью мужа. На восточном при-

брежье часто происходит настоящий торг, при чем молодой человек за дозволение увести с собою молодую девушку платит ее отцу выкуп в виде гарпуна или какого-нибудь другого орудия; и, наоборот, хорошие охотники получают от отцов вознаграждение за то, чтобы они взяли себе в жены их дочерей, при чем дочери непременно должны согласиться исполнить желание отцов.

Обыкновенно супруги живут довольно дружно, и я никогда не замечал, чтобы между ними происходили споры или ссоры. Чем дольше они живут вместе, тем сильнее привязываются друг к другу, и особенно трогательно смотреть на престарелых эскимосских супругов. Конечно, случаются и в их жизни разные неприятности и драки, но это лишь исключение, хотя особенно нежных чувств этот народ не проявляет. Если у эскимоса умерла жена, он очень скоро утешается и женится на другой. После смерти жены никто не выказывает вдовцу особенного соболезнования; к нему приходят только соседки, садятся на нары и начинают причитать, а он слегка всхлипывает и усиленно сморкается. Несколько дней спустя он начинает старательно чистить свои охотничьи снаряды, которыми каждый гренландец любит гордиться, и в полном блеске выезжает с другими товарищами на охоту. Соседи, глядя на него, смеются и говорят: „вот выехал на охоту чей-нибудь новый зятушка!“. Если он слышит такие речи, то молчит и только улыбается.

Главное желание эскимоса—иметь потомство. Бездетные женщины всеми презираются, и с ними не привыкли церемониться. У гренландцев не бывает по многу детей: обыкновенно от двух до четырех. Кроме того, у них никогда не рождаются двойни. Когда эскимоскам сказали, что у европейских женщин бывают двойни и тройни, то они позволили себе весьма нелестное для последних сравнение: Гренландских детей очень долго кормят грудью, обыкновенно три или четыре года, но я слышал, что их кормят и до 10—12 лет. Дети гренландцев, обращенных в христианство, получают, конечно, крещение и при этом христианское имя. Первобытные гренландские имена таким образом совершенно исчезли.

Гренландцы—очень нежные родители и до безумия любят своих детей, особенно если это мальчики. Они царят в семье, как настоящие деспоты, и родители стараются во всем угодить маленьким тиранам. Ребенка почти никогда не наказывают,—во-первых, потому, что гренландцы вообще снисходительны, а во-вторых, разве можно обижать свою плоть и кровь? Я никогда не слышал, чтобы эскимос сказал своему ребенку грубое слово или запретил что-нибудь. При таком воспитании можно предположить, что дети растут большими баловнями, но на самом деле этого нет. Хотя я долго жил среди эскимосов, но я никогда не встречал нигде шаловливых ребят. Когда дети подрастают, достаточно простого замечания со стороны отца или матери, чтобы

удержать их от таких поступков, которые не одобряются родителями. Никогда я не видел, чтобы эскимосские дети дома или вне дома ругались, сердились друг на друга, а тем более затевали драку. Я часто играл с ними в мяч; во время этой игры наши дети часто затевают ссоры, но я никогда не замечал, чтобы гренландский мальчик не только начал ругаться, но даже состроил недовольное лицо. Происходит это отчасти оттого, что гренландцы вообще очень добродушны. Матери никогда не расстаются со своими детьми, таская маленьких на спине и не отпуская от себя, когда они подрастают. Для того, чтобы упражнять руку и глаз ребенка, эскимос дает своим детям маленькие гарпуны и стрелы вместо игрушек. Кроме того, они еще мальчиками учатся плавать на каяках. Эскимосы должны воспитать из своих сыновей опытных охотников, так как от этого зависит все их будущее благосостояние.

Девочки точно также рано научаются исполнять разные хозяйственные работы и помогать матери в шитье и домашнем обиходе.

Г л а в а X.

Н р а в с т в е н н о с т ь .

Относительно морали эскимосов существуют разные мнения, смотря с какой точки на нее глядеть. Рядом с безграничной похвалой встречается такое же безграничное осуждение. На самом деле эскимос так же, как и мы, далек от того, чтобы быть или ангелом, или чортом. Он—обыкновенный человек, с присутствующими человеку добродетелями и пороками. У него существует много слабостей, но зато нет особенно выдающихся пороков или ярких добродетелей.

Главным достоинством эскимоса является его безусловная честность. По условиям своей жизни он должен иметь возможность полагаться на своих соседей, а для того, чтобы заслужить взаимное доверие, он должен и сам поступать честно по отношению к другим. Он считает почти невозможным украсть что-нибудь у людей, живущих с ним в одном поселке. У эскимосов никогда ничего не запирается, потому что им неизвестна боязнь перед ворами. Девушка, которая что-нибудь украла, не может рассчитывать найти себе мужа.

По той же причине эскимос не любит в чем-нибудь солгать другому. Трогательным тому доказательством служит то, что если один эскимос описывает другому какой-нибудь предмет или вещь, он обыкновенно сдержан и скорее скрывает его достоинства, чем преувеличивает. Продавец никогда не расхваливает свою вещь, а, напротив, старается представить ее хуже и указывает покупателю на ее недостатки.

Если кто-нибудь должен другому деньги, то непременно отдаст их, как только получит. Датские купцы этому верят и охотно дают им деньги в долг или отпускают товар в кредит. Что касается отношений к людям, не живущим с ними в одном поселке, или к иностранцам, то к ним эскимосы относятся иначе и не прочь и стащить что-нибудь у них, если это им выгодно. Впрочем, первые европейцы, которые приехали в Гренландию, вели себя по отношению к эскимосам так безобразно, что не могли внушить к себе доверия. Теперь эскимосы уже более с ними сдружились, но, заходя в лавку, охотно набивают карманы мукой или другими продуктами, оправдывая себя тем, что все это принадлежит правительству, а оно наверно богато; такие пустяки, как немножко крупы или муки, не нанесут ему никакого ущерба. Мы уже говорили о том, что эскимос никогда не тронет бревна пловучего леса, между тем как европейцы не всегда в этом отношении церемонятся, а потому эскимос и не может быть очень высокого о них мнения. Драки и убийства между ними происходят очень редко, и они совсем себе не могут представить войны. У них даже нет слова для обозначения такого понятия, а воспитание людей для военных целей им кажется и вовсе непонятным. Иногда случается, правда, что эскимосы убивают друг друга из ревности. Они нападают на своего соперника обыкновенно на открытом море и бросают ему гарпун в спину, так как им было бы совестно смотреть в глаза человеку, которого они хотят убить. Они редко мстят за убитого, но если какой-нибудь человек делается опасным для поселка, то они собираются вместе и сживают его со света.

Убить колдунью или колдуна не считается грехом, потому что они могут своим колдовством принести вред другим людям. Эскимосы обыкновенно не любят осуждать другого человека; если даже они знают о нем что-нибудь дурное, то неохотно говорят об этом. Женщины, конечно, в этом отношении не столь великодушны и не прочь посудачить и посплетничать.

Старых людей эскимос, к сожалению, не очень уважает. Он относится к ним снисходительно, пока они могут работать, но выдающиеся охотники и люди, у которых есть мужское потомство, считаются как бы главой семьи, и их уважают как патриархов.

Женщина, у которой есть взрослые и дельные сыновья, пользуется почетом даже и в преклонном возрасте. Если она вдова, то управляет всем домом, и невестки должны подчиняться ее требованиям.

Если читатель сам хочет составить себе понятие о том, как думает и рассуждает эскимос, то пусть прочтет прилагаемое письмо одного гренландца к миссионеру Павлу Эгеду, отец которого его окрестил. Письмо, конечно, написано по эскимосски; в нем высказывается недюжинный ум и такие чувства, на которые неспособны глупые люди, какими до сих пор многие счи-

тают эскимосов. Письмо это служит ответом на послание самого Эгедэ; вот его содержание: „Любезный Пауя (так переделали эскимосы имя Павла), ты сам отлично понимаешь, сколь дорого и ценно мне твое письмо. Но я ужасно испугался, когда прочитал о гибели стольких людей во время землетрясения, о котором ты мне пишешь; у нас здесь не слышали ни о чем подобном, а между тем ты пишешь, что там погибло людей больше, чем живет в нашей стране. Я не могу передать тебе, как меня взволновало это известие, а из наших людей многие так испугались, что обратились в бегство, не думая о том, что такая беда может случиться везде. Хотя почва нашей стороны состоит из камня, мы видим и у себя как целые утесы проваливались в пропасть; но когда это случилось—никто из нас не знает. Гранитные утесы нашей страны господь бог тоже может потрясти до основания, если это ему угодно, и похоронить нас, жалких червяков, под их обломками. Ты пишешь мне, что эту зиму у вас мало снегу, и что морозы не очень сильны; ты полагаешь, что у нас зато зима была гораздо суровее, но это не так: у нас тоже была удивительно мягкая зима. Я слышал, что ваши ученые утверждают, будто теплая погода зависит от испарений, которые после землетрясения вырвались на поверхность земли, согрели воздух и растопили большие массы снега. Но если-б я не знал, что так говорят ученые, я бы подумал, что это не совсем верно, потому что теплота, которая находится в земле, не может согреть все громадное пространство воздуха, который окружает землю, как не может дыхание одного человека согреть большую нетопленную комнату, если он один раз дохнет и снова из нее уйдет. Южные ветры, которые постоянно бывают теплые и которые дули здесь в продолжение целого лета, повлияли, вероятно, на то, что у нас была теплая зима; но почему ветер дул с юга, этого я не знаю, да не знают, вероятно, и ученые. Погибли ли несчастные люди оттого, что провалились в землю, или погибли они от жары, или они были просто убиты, когда началось землетрясение? Матрос Б. полагает, что они были убиты у себя дома и погребены под обвалившимися постройками. Но ваши люди, кажется, неособенно близко принимают к сердцу случившееся несчастье, потому что они не только довольны и веселы, но и рассказывают о том, как два народа, которые, хотя исповедуют одну с вами религию, но принадлежат к другим национальностям (голландцы и англичане), убивают друг друга на воде и на суше, устраивают друг на друга охоты, как на тюленей или оленей, и убивают людей, которых совсем не знают, только для того, чтобы получить над ними власть. Когда я спросил через переводчика одного из иностранных моряков, какая причина подобной жестокости, он мне ответил, что они ссорятся из-за куска земли, который лежит так далеко от их страны, что они должны ехать три месяца, пока до него доберутся (Америка). Я подумал, что наверно у них очень мало земли, так что им

негде жить; но моряк сказал, что земли у них довольно, и что они поступают так просто из жадности, чтобы захватить себе побольше богатства. Я так удивился такой ненасытной жадности, что чуть не умер от страха. Но вскоре я опять расселился, и ты, конечно, поймешь, почему? Я подумал о своей стране, о ее бедных жителях, и сказал себе: „К счастью мы так бедны, что этим иноземцам нечего у нас искать; наше имущество на земле им не нужно, а то, которое плавает в море и которое служит нам для того, чтобы добывать пищу и одежду,— его так много, что пусть они берут себе, сколько угодно, нам еще хватит; если мы убьем столько добычи, чтобы наестся досыта, и добудем несколько шкур, чтобы укрыться от холода, мы считаем себя вполне счастливыми“. И ты знаешь, что мы никогда не заботимся о завтрашнем дне! Мы тоже могли бы сказать, что море, омывающее наши берега, принадлежит нам, со всеми теми животными, которые там плавают: тюленями, китами, моржами и всякими рыбами; но мы не имеем ничего против того, чтобы и другие пользовались рыбами и зверями. Нам природой даровано великое счастье не быть жадными. Когда я впервые услышал о ваших прекрасных странах, то я вообразил себе, что там живут очень счастливые люди, потому что они пользуются в изобилии плодами, цветами и рыбами всяких пород, живут в прекрасных домах, носят прекрасное платье, пользуются длинным летом, не страдают от холода, снежной вьюги и комаров. Я вообразил себе, что они наделены всеми этими благами за какие-нибудь особенные заслуги, но потом я подумал: „О ты, мое счастливое отечество! как хорошо, что твои горы не заключают в своих недрах золота и серебра, до которых столь жадны европейцы! Они покрыты непроницаемым ледяным покровом и потому недоступны. Твое неплодородие, любезное отечество, спасает нас от чужой алчности“. Пауйя, Пауйя! уверяю тебя, мы страшно довольны тем, как живем. Мясо и рыбы— вот наша пища. Лакомства редко выпадают на нашу долю, но зато они тем вкуснее. Ледяная вода— вот наше питье; оно подкрепляет человека, не отуманивает разума и не отнимает силы, как тот одурманивающий напиток, который так любят твои соотечественники. Одежда наша состоит из толстых невзрачных кож и меха, но они точно созданы для нашей страны и одинаково полезны как зверям, которые их носили, так и нам, когда мы их себе добудем. Ты видишь, что у нас, к счастью, нет таких благ, за которые нас стоило бы убивать. Мы живем без страха. Хотя у нас и водятся здесь, на севере, страшные белые медведи, но зато у нас есть собаки, которые с ними борются, и нам самим не грозит ни малейшая опасность. У нас редко слышно об убийствах, и они случаются лишь тогда, когда кто-нибудь пожалуется, что другого человека извели колдовством. Таких колдунов мы сжигаем со света, как вы казните своих злодеев. Мне не удалось пока еще испробовать компас, потому что у нас в этом

году не было больших морозов. Если ты особенно ценишь окаменелых рыб, которых я тебе послал, то я пришлю еще несколько штук. Ну, кажется, я вдоволь с тобой наговорился, и теперь пора запечатать письмо. Корабль готов к отплытию, и ветер поднялся попутный. Пусть наш общий великодушный Покровитель поможет переплыть ему и находящимся на нем громадное, опасное море и да сохранит их от тех опасных охотников за людьми, которых, повидимому, они боятся, пусть они благополучно доберутся до своего отечества и там повидаются с тобою, мой дорогой.

„Павел Гренландец“,

Гренландия 1756 г.

Содержание этого письма достойно внимания, потому что доказывает, как трезво смотрят эскимосы на жизнь. Их нравственность всегда находилась в зависимости от тяжелого существования и борьбы с природою.

Г л а в а X I .

Правосудие, барабанная пляска и удовольствия.

Я несколько раз обращал внимание читателя на добродушный и миролюбивый нрав эскимосов. Ничто не может послужить тому более красноречивым доказательством, чем их понятия о правосудии.

Если кто-нибудь воображает, что эскимосу не приходилось прибегать к чужому мнению с жалобами на несправедливости, какие ему случалось перенести, тот сильно ошибается. Их правосудие, правда, носит очень странный характер и скорее походит на поединок, но при этом поединке не употребляют никакого опасного для жизни оружия, и в этом случае эскимос гораздо разумнее европейцев. Потерпевший приглашает своего оскорбителя к барабанной пляске, которая сопровождается пением. Такие поединки обыкновенно откладываются до лета и происходят вблизи обширных поселков, состоящих из разбитых там шатров. Вокруг спорящих собирается многочисленная толпа, где находятся женщины и дети. Ударяя в тамбурин или большой барабан, вышедшие на поединок поют друг перед другом юмористические песни. Песни эти обыкновенно слагаются предварительно, и в них рассказываются все те обиды и несправедливости, какие один потерпел от другого. Тот, чья песня имела наибольший успех и вызывала смех у публики, остается победителем. Таким же образом разбираются и такие серьезные преступления, как убийство. Для нас, конечно, такой суд показался бы легкомы-

сленным, но для впечатлительных и честных эскимосов и этого осуждения достаточно. Самое ужасное для эскимоса—показаться смешным и презренным в глазах соотечественников. Случалось нередко, что после такого поединка посрамленный человек совершенно исчезал из этой местности.

Такой барабанный танец существует и теперь на восточном берегу Гренландии и кажется мне весьма полезным учреждением. Я не могу себе представить более легкого и скорого способа наказать виновного. На западном побережье такого рода увеселения совсем исчезли, так как европейцы нашли их неприличными.

Благодаря этому, у эскимосов действительно нет теперь никакого правосудия, потому что европейцы не вмешиваются в их дела и не могут этого сделать. Зато случаются прекурьезные истории. Однажды одного эскимоса сослали за убийство на необитаемый остров, но для того, чтобы он мог там существовать, ему дали новый каяк и запас пищевых продуктов. Когда этот запас истощился, он преспокойно вернулся домой, поселился в своем прежнем доме и получил ту выгоду, что имел теперь новый каяк. Зато против женских проступков управляющий колонией имеет всегда очень внушительную острастку. Он временно запрещает посещение провинившимся посещение колониальных лавок, а это для эскимоски очень чувствительное наказание.

Барабанный танец устраивался также, как удовольствие, при чем пелись песни разного содержания, сопровождаемые плясками и различными телодвижениями. Каждому народу надо повеселиться, особенно такому, который живет среди суровых условий, делающих жизнь его очень тяжелой. Матросы, приезжающие сюда на кораблях, научили эскимосов европейским танцам, которые они несколько видоизменили по своему вкусу. Такие балы устраиваются в больших амбарах или сараях и происходят очень часто, чуть не каждую неделю. Масса народа, взрослые и дети, стоят плотными группами в своих пестрых нарядах вдоль стен или на нарах и смотрят на танцующих, освещенных слабым светом ламп. Все вместе производит очень оригинальное и забавное впечатление. Рядом с очень красивыми лицами можно встретить прямо безобразные, но все они выражают искреннюю радость и восхищение. Танцующие двигаются так быстро, что ноги их только мелькают в бешеной пляске. Мелодию обыкновенно играет скрипка, но в последнее время в Гренландии начали появляться и гармоники.

Эскимоски—страшные любительницы всякой новинки. Главное удовольствие для них—посещение лавок. Утром рано, еще задолго до открытия, около дверей толпятся кучи женщин. Как только двери открываются, они устремляются в лавку, хотя большинство и не собирается сделать какую-нибудь покупку. Они подолгу любят всевозможными товарами, главным образом,

материями и платками, болтают и пересмеиваются с продавцами. Когда летом на кораблях привозится транспорт новых товаров, наплыв бывает очень велик. Эскимосы охотно покупают что-нибудь новенькое, не зная даже, для какой цели тот или другой предмет предназначается, отчего иногда случаются забавные недоразумения.

Г л а в а XII.

Искусство, музыка, поэзия. Рассказ туземца.

Гренландцы—очень одаренный и чрезвычайно изобретательный народ; всякие остроумные приспособления и снаряды служат тому доказательством. Доказательством их природных способностей является то обстоятельство, что гренландцы очень легко научились читать и писать. Они особенно хорошо и легко пишут. Многие из них скоро выучиваются играть в шашки и даже в шахматы. Я сам с ними играл нередко в шашки и поражался их остроумными комбинациями.

Труднее всего им изучать арифметику, и очень немногие наловчатся решать сколько-нибудь сложные задачи. Большинство с трудом выучивается производить сложение и вычитание целых чисел. Умножение и деление сильно их затрудняет, а про дроби—и говорить нечего. Такое низкое развитие математических способностей происходит оттого, что в эскимосском языке нет почти чисел. Слова существуют только для первых пяти чисел, и последнее число—пять—является обозначением понятия о руке. Если эскимосу надо считать дальше, то он прибегает к помощи другой руки; а если он доходит до цифры десять, то становится втупик и прибегает к пальцам ноги. Обыкновенно эскимос этим и ограничивается, но более светлые головы могут считать и дальше, причем пользуются рукою другого человека, его ногами, а затем руками следующего и т. д. Но когда они пересчитали пальцы пятого человека и дошли до сотни, то дальше этого не может считать даже самый развитой эскимос. С введением у них торговли понадобились и более точные цифры, и нельзя было обращаться к пальцам другого человека; поэтому эскимосы стали употреблять датские названия чисел, и теперь многие начинают считать дальше ста, но я сомневаюсь, чтобы о таких цифрах они имели сколько-нибудь ясное представление.

Все европейцы без исключения хвалят замечательную способность эскимосов запоминать местности. Один эскимос по просьбе капитана нарисовал карандашом береговую линию около Смигова пролива с поражающею точностью. Он тут же нарисо-

вал все прибрежные острова, горы и глетчеры с обозначением их названий. Географические карты эскимосов, как начерченные, так и рельефные резные, давно уже обратили на себя внимание точностью и верностью изображения местности.

Я нахожу у эскимосов большие художественные задатки, которым только постоянная суровая борьба за существование помешала надлежащим образом развиваться. Их способности в этом отношении проявляются, главным образом, в украшении их оружия, снарядов и одежды. Надо удивляться, с каким искусством гренландские женщины украшают свои одежды кусочками кожи, а мужчины вырезают из кости изображения всевозможных животных и людей. Конечно, большинство таких изображений— лишь символического или чисто декоративного характера. Но когда эскимосы пытаются подражать природе, то выказывают замечательную способность схватывать формы, и это заметно на тех игрушках, которые они делают для своих детей.

Гренландцам, повидимому, незнакомо наглядное письмо, когда вместо буквы изображался сам предмет. Этим они отличаются от других первобытных народов. Если эскимосам приходится видеть произведение европейского искусства, то они очень скоро и удачно выучиваются ему подражать. Однажды наш знакомый эскимос захворал, и доктор послал ему деревянную дощечку, на которой был вырезан рисунок. Эскимос, лежа в постели, начал иллюстрировать свою народную сказку, при чем не только нарисовал картины, но и вырезал их на дереве.

В музыкальном отношении гренландцы достаточно даровиты. Они очень быстро запоминают наши европейские мелодии и выучиваются играть не только на скрипке, но и на гармонии. Странно слушать, как в каком-нибудь захолустном гренландском домике напевают знакомые европейцам мотивы. Зато их первобытная музыка, состоявшая всего из пяти тонов, теперь вышла почти совсем из употребления.

У гренландцев большой запас всяких преданий и сказок, из которых многие весьма оригинальны. Ничто не может так ясно выразить душевную жизнь народа, его чувства и настроения, как содержание сказок и способ их передачи. Они лучше всего рисуют нам мирозерцание народа. В сказках эскимосов проявляется большая фантазия, а также довольно грубый юмор, не всегда удобный для печати.

Кроме сказок, у эскимосов сохраняются предания о всевозможных, необыкновенных событиях; у них существует также и поэзия. Состоит она из всевозможных юмористических стихотворений, которыми они обмениваются во время барабанной пляски, а также из описания предметов и разных приключений. Эскимосы и теперь еще сочиняют стихи, при чем часто осмеивают европейцев, разных членов экспедиции. Мне приходилось нередко слышать подобные песни, в которых упоминались имена товарищей, но мне не удалось записать ни одного такого стихо-

творения. С 1861 г. в Гренландии выходит газета. Печатают ее в селении Готхаб, в типографии, которую заведует эскимос. Человек этот специально ездил в Данию, чтобы изучить типографское искусство, которым он отлично овладел, и, кроме того, рисует и печатает картинки. Издание выходит 12 раз в год и раздается

Рис. 13. Стоянка эскимосов в Гренландии.

даром. Расходы по нему покрываются правительством. Текст издания заполняется переводами с датского, а также оригинальными произведениями туземцев, в которых они описывают охоту, свои путешествия и т. д. Таким образом, там образовалась совсем особенная литература. Привожу здесь текст рассказа, который поясняет, насколько у эскимосов еще сильны всевозможные суеверия:

„Наконец-то мне удалось написать рассказ для чтения; я давно собирался это сделать, и хотя написал немного, но все, о чем я говорю, я видел собственными глазами. Мне хотелось передать интересные подробности охоты на медведя на юге Гренландии, о которых мало что известно в других местностях нашей страны. Случилось это в 1882 году, недалеко от мыса Фаруэль. На берегу стояли два гренландских дома. В одном жили три охотника на тюленей с своими семьями, Вениамин, Исаак и Морис. В другом доме жил Матвей, которого мы называли „Набитым“, потому что он любил употреблять в разговоре слово „набитый“. Ему было тогда уже более семидесяти лет, но он еще славился, как хороший охотник, и кроме того на своем веку убил несколько медведей.

„Событие, которое я хочу описать, случилось в воскресенье. Соседних охотников не было дома, они уехали на ловлю, а мы сидели в доме Матвея и молились. Когда мы кончили свои молитвы, сын Вениамина, который вышел зачем-то на улицу, вдруг вбежал в дом с криком, что там стоит медведь и ест наш запас жира.

„Это известие так же испугало меня, как и обрадовало; но старик Матвей даже затрясся от удовольствия и воскликнул: „Благодарение тому, кто принес такое известие! Я пойду туда и заколю медведя“. Я взглянул на него и подумал, что он, вероятно, возьмет какое-нибудь подходящее оружие, длинный нож или что-нибудь подобное, но этого не случилось. Орудие, которое он взял, почти не было заметно в его сжатом кулаке. „Какая польза от такого оружия“, — подумал я, — „ведь у медведя здоровая шкура и толстый слой жира“. Женщины, которые находились в доме, не хотели ему позволить идти на медведя. Они распустили свои волосы и потряхивали ими, думая, что медведь

их примет за мужчин и несколько поубавит свое нахальное поведение. Наши языческие предки приписывали медведю человеческий разум.

„Мы боялись, как бы медведь не забрался в дом, и потому я начал оглядываться, приискивая себе оружие. Я увидел нож и схватил его, а также древко от стрелы, к которому хотел его привязать. Но как только я схватил то и другое, я услышал за собою голос: „Дай ка сюда! у меня побольше силы, чем у тебя“. Говорила это овдовевшая дочь Матвея, и она отняла у меня нож и древко от стрелы.

„В эту минуту часы на стене пробили одиннадцать (в Гренландию было ввезено много швейцарских и нюрнбергских часов; эскимосы охотно их покупали и увозили с собою даже в отдаленные местечки Гренландии). Я бросился к часам, желая остановить их бой, потому что он мог еще больше разъярить медведя, но сделал это очень неудачно. Часы подняли необыкновенный шум, и мне только с трудом удалось заставить их, наконец, замолчать. Женщины все еще стояли, вцепившись в Матвея, чтобы помешать ему выйти к медведю. Внезапно мать того юноши, который сообщил нам о приходе медведя, схватила две сухие травинки и начала их переплетать. Это делалось для того, чтобы уменьшить силу медведя и чтобы с ним легче было справиться. Между тем, Матвею удалось вырваться от женщин, и он полез в проход, который выходил наружу. Я бросился за ним, но он шепнул мне; „Тише, тише! медведь идет к морю“.

„Ружье Матвея лежало в каяке у самого берега, и когда медведь прошел мимо самого каяка, старик пополз туда на четвереньках, чтобы достать ружье. Я остановился у порога хижины и видел, как медведь с ревом обернулся к старику; я до того перепугался, что опрометью бросился к другому домику и, влетев в него, растянулся у самых дверей. Лежа на полу, я видел сквозь окошко, как медведь и Матвей стояли и смотрели друг на друга; их разделял только каяк. Матвей строил разные смешные рожи, а медведь стоял, разинув пасть, ворчал и готов был на него броситься. Матвей уперся ногой в каяк и, не спуская глаз с медведя, поднял на него ружье и выстрелил. Тогда я выскочил из дому и увидел, что старик подошел к медведю и всадил в него копье, которым убивают оленей, при чем громко кричал и звал, чтобы женщины пришли к нему на помощь и взяли зверя. Женщины впопыхах бросились из дома, но застряли в проходе и долго в нем возились, пока чуть не пробили в нем дыры. Когда они, наконец, подбежали к медведю, то первым делом сунули руку в его смертельную рану и пили его теплую кровь, при чем каждая называла ту часть тела убитого зверя, которую ей хотелось получить. Наконец, до меня дошла очередь отведать теплой крови, что я и сделал, и сказал при этом, что мне бы хотелось получить один из окороков. Мне объяснили, что все части уже разобраны, а, кроме того, я забыл детро-

нуться до тела медведя и потому потерял право на получение своей доли от добычи. Это было очень глупо с моей стороны, что я прозевал прикоснуться к телу убитого зверя. Мать того мальчика, который первый увидел медведя, побежала в дом и принесла чашку с водой, из которой мы все должны были выпить по глотку, хотя никому из нас не хотелось пить. Это делалось для того, чтобы мальчику всегда была удача на медвежьей охоте, а кровь медведя мы пили для того, чтобы доказать всему медвежьему роду, что люди—их непримиримые враги. Прежде чем разрезать медведя на части, каждый считал своим долгом похлопать медведя по шкуре и сказать: „Ты, однако, жирный, очень жирный!“ Но это говорилось только из вежливости и потому, что это так принято. На самом деле убитый медведь оказался замечательно тощим.

„Когда голову медведя внесли в дом, я прошел туда же, потому что знал, что теперь с этой головой будут проделывать различные штуки. Голову, оборотив ее на юго-восток, положили на подставку, на которую ставят лампы. Рот и ноздри вымазали отбросами жира, а голову украсили всевозможными безделушками, кусочками разрезанных подошв, стружками, ножами, бусинками и т. д. Голову обратили на юго-восток для того, чтобы обозначить тот путь, откуда приходят к нам медведи; ноздри и нос были вымазаны жиром для того, чтобы те медведи, которых придется убить, не могли разнюхать приближения к ним человека; в рот ему засовывали жир из любезности, желая угодить его вкусу, потому что всем известно, что он любит пригорелый жир. Предметы, которыми украшалась голова, согласно старинному преданию, предназначались умершим предкам, которые подслали сюда медведя. Медвежью голову съедали лишь на шестой день, потому что медведю требовалось пять дней, чтобы добраться на тот свет; люди боялись, как бы он не растерял все эти предметы дорогой. Даже то место туловища, на котором была отрублена голова, тщательно перевязывалось веревкой для того, чтобы душа медведя не погибла на дороге от потери крови. Я считаю все это, конечно, языческим суеверием, но наши предки верили, что у каждой твари есть своя душа. Конечно, такие души нельзя сравнить с бессмертной душой человека. Странно, что те люди, которые живут на юге Гренландии и уже давно исповедуют христианскую веру, еще до сих пор придерживаются таких суеверных обрядов. Но это происходит оттого, что они часто ездят на север и там встречаются с язычниками. Я давно уже уехал из той местности, и мне говорили, что вблизи европейских колоний такие обряды совершенно уничтожены.

„Мне не сообщили, в какой день будут есть медвежью голову, и потому я был удивлен, когда меня пригласили к обеду. Я без церемонии отрезал себе самую морду медведя; но у меня ее сейчас же выхватили и объяснили, что мне теперь не удастся никогда убить медведя. Признаюсь, я немного обиделся на по-

ведение своих хозяев и разъяснил им, что я вовсе не рассчитываю убивать медведя, так как настолько близорук, что не могу прицелиться.

„Относительно медведей у нас существуют еще следующие приметы: если в снегу увидят следы медведя, то нужно сейчас же съесть немного того снега, на который ступил медведь,—тогда можно быть уверенным убить его, если он вернется по той же дороге. Мальчикам обыкновенно дают съесть медвежьи почки: тогда они будут смелыми и хорошими охотниками. Во время тех пяти дней, когда голова медвежья стоит в комнате, гренландцы остерегаются производить какой бы то ни было шум, потому что медведи этого терпеть не могут.

„Матвей рассказал мне, что тот медведь, которого он убил при мне, уже одиннадцатый, и что он его ни чуточки не боялся, потому что у него в руках было ружье. Однажды он встретил медведя на льду и подполз к нему, имея в руках одно лишь копье, но как давно это было, он уже не помнит“.

Г л а в а XIII.

Языческие верования эскимосов.

Верования эскимосов и соединенные с ними суеверия тесно связаны с условиями их существования и с окружающей природой и с теми случайностями, от которых зависела удача или неудача в жизни и в борьбе за существование. Народы, занимающиеся охотой и рыбной ловлей, всегда очень суеверны; для этого достаточно понаблюдать хотя бы над моими соотечественниками—норвежцами. Целый ряд случайностей: погода, ветер, обилие рыбы,—все это зависит от таких обстоятельств, которые в общей сложности называются удачей или неудачей. От последних часто зависит не только благосостояние человека, но и сама его жизнь. Постоянные опасности, которым эскимос подвергается на своем бушующем море среди пловучих льдин, должны были воспитать в нем чувство суеверия. Бесконечная зимняя ночь с яркими северными сияниями, пловучими горами льда и страшными снежными буранами точно также не могла не оказать большого влияния на душевный склад этих крайних обитателей далекого севера. Малоразвитой человек стоит перед такими явлениями природы, как испуганный ребенок, и его пылкая фантазия рисует всевозможные таинственные ужасы. Он считает, что все злое в мире, в особенности колдовство, наказуется высшими незримыми силами. Умершие также могут или награждать или наказывать людей за их хорошее или дурное к ним отношение.

Верования эскимосов необыкновенно первобытны, неясны и состоят из целого ряда преданий и сказок. Эти верования не имеют ничего общего с нравственностью, которая созидалась благодаря известным жизненным условиям, принуждавшим человека поступать с своими ближними возможно мягче и справедливее, чтобы удержать за собою их расположение. Там, где ежедневно приходится вести борьбу с природой, человеку нет времени воевать со своими ближними; поэтому эскимос поневоле воспитал в себе миролюбие и уступчивость.

Как все первобытные народы, гренландцы одухотворяли окружающую их природу; камни, горы, домашняя утварь—все, по их понятиям, имело душу. Когда умирал охотник, души его орудий охотно сопровождали хозяина в его скитаниях в загробной жизни; поэтому их клали на могилу умершего, чтобы они там сгнили, а заключающиеся в них души освободились. У эскимосов создалось убеждение, что в каждом предмете заключается „существо“ или „хозяин“ этого предмета. Эскимосы верили, что в каждом камне, горе, глетчере, в каждой реке или озере заключен его „хозяин“. Даже воздух заключает в себе такого „хозяина“. Удивительно, как могли эскимосы додуматься до таких отвлеченных понятий. Когда эскимоса пробирает голод, и у него сосет под ложечкой, то он воображает, что в нем сидит „существо“, которое требует пищи, и он называет его голодом. Иногда эти невидимые существа показываются в виде искр или пламени, и лицезрение их очень опасно.

Согласно первобытным понятиям эскимоса, человек состоит, по крайней мере, из двух частей—из тела и души. Видеть душу не всем доступно, а лишь некоторым, одаренным особою проницательностью (ангекок—волшебник. В настоящее время таких посредников между людьми и высшими силами называют шаманами—название, заимствованное у туземцев Сибири). У души такой же внешний вид, как и у тела, но только прозрачный. На ощупь она мягкая, у нее нет ни костей, ни жил. По гренландски слово „душа“ очень напоминает слово тень, и, без сомнения, в прежние времена эти два понятия выражались одним и тем же словом. Эскимосы верят, что душа связана с дыханием, поэтому во время болезни человека волшебники дышат на больного, стараясь или исцелить его душу, или вдохнуть в него новую.

Душа довольно самостоятельна и отчасти независима от тела. Если человек уезжает в странствование, душа остается дома, отчего происходит тоска по родине. Душу можно потерять, а иногда ее крадут колдуны. В таких случаях на человека нападает болезнь, и он просит своего волшебника найти душу или доставить ему другую, которую можно взять у какого-нибудь зверя или птицы.

У гренландцев, живущих на восточном берегу, к этим двум частям существа человека присоединялась еще третья—имя; эта

часть так же велика, как и сам человек, сказано в предании эскимосов, и, когда родится дитя, ему смазывают рот водой и говорят имя какого-нибудь умершего предка, который тогда и входит в ребенка; и теперь еще в христианских семьях эскимосов новорожденному дают имя того, кто последний умер в семье; делают они это для того, чтобы умершему спокойнее было лежать в могиле. Восточные гренландцы верят, что имя остается при усопшем и переходит сначала в разных животных, пока его не дадут, наконец, ребенку; поэтому они заботятся, чтобы это случилось как можно скорее, и если ребенку не дать этого имени, то ему впоследствии, как взрослому человеку, грозят серьезные несчастья. Они думают, кроме того, что между двумя людьми, имеющими одно и то же имя, существует духовное родство; получив имя усопшего, ребенок получает и качества его, и впоследствии он особенно должен бороться с причинами, вызвавшими кончину человека, от которого он унаследовал имя. Если этот человек умер на море, то наследник его имени должен почитать за честь постоянно бороться с морем на своем каяке.

Гренландцы боятся произнести имя усопшего; если из двух человек, носящих одно имя, один умер, другой спешит скорее переменить свое имя. Гренландцы даже боятся выговорить и свое собственное имя. Если эскимоса спросить, как его зовут, он обыкновенно просит другого человека назвать его по имени. Матери отказываются говорить имена своих детей и обыкновенно отговариваются тем, что они их забыли. Этот страх они объясняют тем, что человек, который называл себя по имени, теряет часть своей силы и отдает себя во власть тому, при ком он произнес это имя.

Согласно первобытным верованиям эскимосов, душа не умирает вместе с телом и попадает или под землю, или в море, или в другое пространство, которое находится на небе. Пребывание в море или под землей считалось наилучшим, потому что там сияет солнце, много птиц и всяких зверей. Эскимосы видели отражение неба и гор в воде и, не понимая этого явления, полагали, что там находится какое-то особенное царство. Впоследствии они убедились, что картины, которые они видели в воде, лишь отражение, но верование свое, тем не менее, сохранили.

На небе, по их понятиям, гораздо холоднее; там есть горы и долины, и над ними голубое небо. Души усопших живут вокруг большого озера, и когда оно перетекает через край, то внизу, на земле, идет дождь. Северное сияние, по сказаниям восточных гренландцев, происходит оттого, что на небе играют души незаконнорожденных детей и детей, которые были убиты вскоре после рождения. Эскимосы всегда желают, чтобы их усопшие попадали в то царство, которое находится под землей; поэтому они прежде тяжело-больных клали на землю и торопились облачить их в погребальные одежды. Таким образом они облегчали им доступ в подземное царство.

Добраться, однако, в это подземное царство не так то легко. На дороге умершим попадается высокий остроконечный утес, по которому они должны скользить вниз; камни этого утеса носят следы крови. Особенно трудно совершать этот переход душам умерших зимой в дурную погоду: тогда душа может пострадать и умереть во второй раз, уже окончательно.

Так как эскимосы полагали, что у зверей также есть души, то и эти души должны были отправляться в преисподнее царство. Если умирал ребенок, то на его могилку клали голову собаки. Душа этой собаки должна была сопровождать душу ребенка и охранять ее от несчастья.

Гренландцы верили в некоторые высшие существа, из которых многие помогают волшебникам творить сверхъестественные чудеса. У каждого волшебника несколько таких высших существ, помогающих ему совершать как добрые, так и злые дела. Все эти существа находятся под началом одного главного, у него волшебники испрашивают совета при посредстве тех, которые находятся под их началом. Внешний вид этого главного существа не был ясно определен. Многие верили, что он похож на медведя, другие считали его за великана, а были и такие, которые утверждали, что он не больше мизинца.

Мы уже говорили о том, что гренландцы очень боятся умерших и особенно привидений, потому что они уверены в том, что эти привидения суть души умерших, выходящие из могил. Они уже заранее снаряжают умирающего для погребения, чтобы не прикасаться к нему, когда он умрет. Тело скончавшегося выносят не в дверь, а выталкивают в нарочно устроенное отверстие, которое сейчас же закрывается для того, чтобы душа усопшего не могла вернуться в дом. Вещи покойного также выносятся на улицу, и их никогда не употребляют в дело. Все его имущество: каяк, оружие, ножи, стрелы,—все кладется около могилы; а если он погиб в море, то все эти вещи выносятся на берег. Делается это потому, что эскимосы во-первых, боятся вещей умершего; во-вторых, не желают, чтобы вид этих вещей вызывал лишние слезы, так как души умерших очень тяготятся, когда о них долго плачут. Мы уже говорили о том, что гренландцы полагали, будто умершему нужны его вещи, и клали их около могил, чтобы они сгнили, и души их, освободившись, последовали за покойником.

Гренландцы обязаны известное время сокрушаться по умершем; увидев кого-нибудь из родственников или друзей покойника, они сейчас же начинают реветь и причитать. Они больше всего боятся, чтобы умерший не рассердился на них за что-нибудь, так как они ему приписывают большое влияние на свою жизнь.

Я назову здесь несколько сверхъестественных существ, в которых верили эскимосы. Так, например, над морскими животными властвовала старуха, у которой не было имени. Она жила

под морем и сидела в своей комнате, где горела лампа. Под лампой стояла чашка, в нее стекало лишнее масло, и в этой чашке зарождалась масса птиц и всяких морских зверей, которые отсюда выплывали в море. Когда у старухи в волосах накапливались всевозможные насекомые, звери пожирали их и не выплывали на поверхность моря. В таких случаях бывала плохая охота, и эскимосы просили своих волшебников, чтобы они отправлялись к этой старухе, расчесывали ей волосы и уговаривали ее отпустить зверей в море. Такие путешествия к сердитой старухе сопровождались всевозможными сказочными приключениями. Эта старуха, согласно преданию эскимосов, была когда-то дочерью могущественного волшебника. В припадке гнева он выбросил ее из лодки в море и, когда она цеплялась пальцами за края этой лодки, то отрубил ей ножом все пальцы, которые превратились в тюленей и китов, а сама она сделалась владычицей над этими животными.

Гренландцы верят еще в то, что существуют какие-то особенные люди, живущие в горах, в самых уединенных, недоступных местах. Они прежде жили среди людей, но потом ушли, потому что были обижены или чем-то недовольны. Когда они проживут в уединении больше года, то у них являются различные сверхъестественные качества. Они могут прыгать с верхушки одной горы на другую, разрезать без ножа убитых оленей и попадать без промаха в каждое животное, которое они наметили себе в жертву. Эти люди вырастают до необыкновенно больших размеров, одеваются в оленьи кожи. Лицо их делается черным, а волосы—белыми, и чем дольше они живут, тем больше проясняется их разум. Они становятся всеведущими и научаются понимать язык животных. Зато они теряют способность умереть и ведут самое жалкое существование, проливая слезы о людях, к которым не смеют приблизиться, и о невозможности окончить свое существование. Впрочем, говорят, что иногда нечаянно они забираются в дома и выскивают себе что-нибудь съестное, а главное — запасаются табаком. Мне самому пришлось убедиться, до чего гренландцы боятся привидений. Однажды вечером я должен был зайти в дом к эскимосу, чтобы отдать ему письмо, которое на следующий день надо было свезти на корабль. Все в доме уже спали, и я подошел к нарам, на которых спал неженатый член семьи. В комнате было довольно светло, потому что лампа, по обыкновению, горела. Разбудить молодого эскимоса было довольно трудно. Когда он, наконец, проснулся и открыл глаза, то, увидев меня, сильно побледнел и начал орать, как сумасшедший. Он принял меня за привидение. Прошло немало времени, пока мне удалось успокоить его и других членов семьи, которые тоже подняли крик; мы долго потом смеялись над этим приключением.

О сотворении мира эскимосы не имеют никаких преданий. Что касается человека, то они предполагают, что он вырос из

земли и с нею обручился, поэтому они говорят: „кто бьет по земле, тот бьет свою мать; а кто бьет по камню, тот бьет своего отца“.

Причины смерти у эскимосов объясняются так: какая-то старая баба сказала: „пусть люди умирают, иначе на земле будет тесно“. Согласно другому сказанию, двое из первых людей, живших на свете, начали ссориться. Один из них говорил: „пусть будет день и ночь и пусть люди умирают“, а другой говорил: „пусть всегда будет ночь, и пусть люди будут живы“. После долгих споров первый победил. По другому сказанию, змея и вошь поспорили, кто первый доберется до людей. Если доберется змея, то люди постоянно будут жить; а если доберется вошь, то люди будут умирать. Змея поползла гораздо скорее вши, но по дороге ей встретилась большая гора, которую она должна была обогнуть, поэтому она потеряла много времени; вошь пришла первая, и с тех пор люди начали умирать.

Эскимосы воображают, что все существующее на свете получило начало от них самих. Птицы и другие животные произошли от стружек, которые их праотцы побросали в море. Самые большие рыбы произошли оттого, что у женщины сорвало платок и унесло его в море. Небесные созвездия были прежде обыкновенными эскимосами и жили на земле, но почему-то попали на небо. Солнце была прекрасная женщина, которая вместе с братом, месяцем, жила в одном доме. Месяц однажды гнался за своей сестрой и опрокинул лампу, которую держал в руке. Пламя погасло, а фитиль продолжал тлеть, отчего у месяца получился красноватый цвет. Месяц, однако, не забыл своего земного происхождения и часто спускается на землю, где занимается любовными похождениями. Его должны остерегаться женщины, и им запрещается вообще смотреть на него. Когда месяц сидит на небе и точит клык моржа, то на землю падают тонкие стружки—снег. Зимой месяц любит кататься на санках по светлomu льду, и эскимосы полагают, что он, главным образом, нагоняет на них стужу.

Гром, по мнению эскимосов, происходит оттого, что две старые женщины спорят из-за высушенной шкуры и тянут ее к себе, одна за один конец, другая—за другой. Во время спора они роняют лампы, и тогда бывает молния. Туман произошел оттого, что один из злых духов до того напился, что лопнул. Дождь посылает другой дух, живущий на небе, и если долго не было дождя, то эскимосы посылали волшебника, чтобы просить его ниспослать на землю дождь. Но так как эскимосы не занимаются земледелием, то им не приходится беспокоиться о дожде, и такие просьбы бывают очень редки.

Всевозможные сказки и предания эскимосов во многом сходятся с преданиями других северных народов, а также первобытных племен, живущих в разных частях земного шара. Эскимоса поддерживали в его суевериях волшебники, так называемые

„ангекоки“. Это были самые умные, но и самые продувные люди*), своих соотечественников они уверяли, что могут беседовать с разными духами и привидениями, подниматься на небо и опускаться в преисподнюю, и хлопотать за эскимосов у разных могущественных существ. Они уверяли, что могут вызывать духов; это происходило обыкновенно во время сборищ в домах, при чем тушились лампы и закрывались все отверстия. Волшебник садился на землю и подымал такой невообразимый шум, от которого тряслись даже стены дома: ревел, стонал, кричал, хохотал и всячески старался одурачить своих поклонников. Они верили, что весь этот шум производят духи, которых он вызывает.

Чтобы сделаться таким волшебником, надо было провести несколько времени в полном одиночестве и подолгу тереть камень о камень, чтобы вызвать горного духа. Будущий волшебник не должен был никому говорить, что он хочет им сделаться, но, ставши волшебником, он уже не мог думать о возвращении в прежнее состояние.

Влияние таких волшебников зависело от их ловкости. Впрочем, они отчасти сами верили силе своего волшебства и пытались излечивать всевозможные болезни посредством заговора. За свое искусство они требовали хоршей платы, иначе их лечение было безуспешно. Конечно, подарки они брали не для себя, а для того духа, которого они заклинали. Эскимосы боялись своих волшебников, потому что те могли напустить на них всякие беды. Если их не раздражали, то они делали скорее добро, чем зло.

Злые волшебники назывались у них колдунами. Они заговаривали оружие, мешали удачному лову животных и производили другие напасти. Таких людей эскимосы жестоко преследовали, и всякого человека, которого подозревали в колдовстве, обыкновенно убивали. Главная разница между волшебником и колдуном была та, что волшебник открыто входил в общение с разными сверхъестественными существами и в большинстве случаев испрашивал от них что-нибудь доброе и полезное для своих соотечественников, колдуны же, напротив, втихомолку направляли свои чары и незримо сообщались со злыми духами. Они составляли какие-то вредные смеси из падали, костей змей, пауков и пели какие-то колдовские песни. Эта смесь бросалась в море и могла превратиться в опасных зверей, от которых мог пропасть человек, против которого злумышлял колдун.

Остается еще сказать несколько слов о таких предметах, которым эскимосы приписывают волшебную силу; их повсеместно зовут амулетами. Родители поют над ними заклинания и вешают их своим новорожденным детям на шею. Молодые люди могут

*) Ангекоки, как и вообще шаманы, далеко не всегда являются обманщиками, но часто сами верят в свою сверхъестественную силу. По большей части это люди с неустойчивой психической организацией. *Прим. ред.*

находить амулеты по указанию своих более опытных родителей... Амулеты носят прямо на теле, под одеждой, и не снимают всю жизнь. Мужчины носят их зашитыми в тюленью кожу, а женщины часто прячут их в волосах. Случается, что такие амулеты заделываются в крыши или стены домов или прячутся в каяке, чтобы он не опрокидывался на охоте. Как известно, вера в такие волшебные предметы, которые могут способствовать удаче, встречается у всех первобытных народов, и этой веры придерживаются и до настоящего времени даже цивилизованные народы. Причина суеверия понятна. Случайно какой-нибудь человек, имея при себе какой-нибудь предмет, пользовался удачей. Он привык смотреть на такой предмет, как на обладающий известными свойствами и постоянно носил его при себе. Случалось также, что, глядя на каких-нибудь зверей и птиц, которые отличаются смелостью и ловкостью, он брал себе их голову, когти, перья и полагал, что к нему таким образом переходит частица их качеств. Иногда эскимосы употребляли вместо амулетов частички одежды своих предков, полагая, что таким образом они пользуются их покровительством. Гренландцы имеют также обыкновенные петъ песни для заклинания в случае болезни или несчастья. Песни эти известны и теперь, и поются в присутствии посторонних.

Все суеверия гренландцев, которые, конечно, представляются нам совершенным вздором, возникли вследствие желания этого некультурного народа объяснить себе явление окружающей природы. Их фантазия населяла мир сверхъестественными силами, и они прибегали к ним, когда жизнь становилась чересчур несправедливой и суровой. Загробный мир рисовался им в виде убежища, где можно было есть без конца тюленьи головы и пребывать в полном покое. Когда в Гренландию приехали европейцы, эскимосы заинтересовались их образом жизни и спросили, какой у них повелитель, велик ли он ростом и много ли наловил китов. Эскимосы никогда не лгут и потому верили всему, что им говорили европейцы, и удивлялись, что европейцы не верят тому, что они им рассказывали. Теперь большинство эскимосов — уже христиане, и только на востоке и севере остались кочующие племена, которые — еще язычники. Тем не менее, и христиане-эскимосы придерживаются многих суеверий, так как привычные заблуждения только с трудом уступают место новым взглядам, к тому же миссионеры часто не умеют подойти к эскимосам. Эскимосы в сущности взрослые дети, и с ними надо обходиться терпеливо и благодушно, а миссионеры, особенно в прежние времена, выказывали им много суровости и пренебрежения.

Г л а в а XIV.

Европейцы и туземцы.

Надо отдать справедливость, что отношение европейцев к гренландцам менее сурово, чем к другим первобытным народам, которые подпали под власть культурных народов. Главная ошибка европейцев заключалась в том, что они не хотели вникнуть в мировоззрение эскимосов и понять, насколько оно для них важно и необходимо при том образе жизни, который они вели. Но цивилизованные народы уже привыкли смотреть на первобытного человека с известным презрением и считают себя призванными к тому, чтобы сообщать ему все, так называемые, блага своей собственной культуры. Они, к сожалению, не сознавали, что в этом случае надо действовать осторожно, потому что ни один народ не может сразу переродиться и забыть прошлое. Для этого требуется довольно продолжительный срок и большая осмотрительность. Первым миссионером среди эскимосов был норвежец Ганс Эгеде. Он с искренним рвением хотел просветить этих дикарей и сумел вызвать к себе их расположение; он посвятил этому делу всю свою жизнь. Имя его почитается во всей Гренландии. Гренландцы не протизились учению Христа и нигде никогда не выказывали злой воли против миссионеров.

Правительство Дании, которое учредило в Гренландии свои колонии, было одушевлено желанием принести туземцам пользу. На самом деле его стремления не принесли хороших результатов *). Главное зло заключалось в том, что европейцы не могли отделаться от презрительного отношения к туземцам, которые вовсе этого не заслуживали. Европейцы теперь почитаются гренландцами как высшая раса, и они, конечно, сами много способствовали тому, чтобы насадить и развить в эскимосах такие удобные для себя взгляды. Эскимосы считают их господами и во всем им подчиняются. Европейцы завели у себя коз, а так как эскимосские собаки за ними гонялись, то приказано было не держать собак вблизи тех поселений, где жили европейцы. Я очень удивился такому требованию и считал его

*) Взгляды Нансена на жизнь эскимосов под управлением датчан являются слишком односторонними. Управление датскими колониями организовано очень разумно. В каждой колонии находится управитель, он же и заведующий лавкой Королевской Гренландской Компании; у него есть помощник—ассистент. Эти чиновники-торговцы снабжают население всем необходимым и получают от него в обмен все продукты промыслов. Никто помимо этих агентов не может вступать в торговые сношения с эскимосами; ввоз же спирта совершенно запрещен. Хотя эта опека лишает эскимосов свободы, но, с другой стороны, она предохраняет их от пьянства и занесения заразных болезней, и, по общему отзыву, колониальное датское управление является наилучшим из европейских. Туземцам не навязываются европейские привычки, они сохраняют свой образ жизни; управление заботится также об их просвещении. *Прим. ред.*

несправедливым, но эскимосы подчинялись ему и говорили „что-ж делать! если европейцам надо держать коз, то нам придется убрать собак“.

Мне кажется также несправедливым закон относительно продажи водки. Эскимосам водка не продается, но европейцы всегда могут получить этот продукт и угощать им эскимосов. По моему было бы правильнее совсем запретить ввоз водки в Гренландию, а европейцы, которые, как говорят, явились сюда с высшими культурными задачами, могли бы воздержаться от употребления этого напитка. Точно также они совершенно напрасно познакомили эскимосов с чаем, кофе, печеньем и другими европейскими лакомствами, к которым эскимосы с трудом могли привыкнуть, но которые они теперь очень любят и которые очень вредно отражаются на их здоровье*). Я нахожу, что датчане не только не должны были продавать их эскимосам, но и вообще провозить в страну такие ненужные туземцам продукты, и самим воздержаться от их употребления. Ведь они постоянно твердят, что приехали сюда не ради себя, но ради гренландцев; так зачем же они делают то, что прямо вредно этому народу?

Для того, чтобы устроить некоторый порядок и обуздать слишком бесцеремонное отношение иностранцев к туземцам, здесь были устроены выборы так называемых представителей от народа. Собрания этих представителей должны вести дела приходов, оказывать помощь беднякам и следить за порядком. Так как сами гренландцы не имели понятия о таких учреждениях, то пасторы должны были взять на себя руководство и, при помощи европейцев, знакомить их с первыми основами самоуправления; но прекрасная мысль этих учреждений на самом деле не имела успеха, потому что представителями обыкновенно выбирали европейцев, а если между ними и попадались туземцы, то они сидели молча, не умея и даже боясь высказывать свое мнение, и во всем соглашались с иностранцами. Учреждение такого самоуправления, как и все привитое иноземцами, не имеет успеха потому, что не явилось следствием потребности самого народа, а было навязано ему извне; пройдет много времени, пока они действительно освоятся с теми правами, которые им преподнесли европейцы. Сами эскимосы очень противились введению такого самоуправления. Они находили, что им гораздо полезнее ездить на охоту в открытое море и заниматься ловлей тюленей, чем разъезжать по делам прихода и присутствовать на заседаниях, в которых они вообще мало что понимали и стеснялись присутствием европейцев.

Многие придерживаются того мнения, что гренландцы—очень несамостоятельный народ, и что они как бы созданы для того, чтобы жить в подчинении. Эскимосы, напротив, в былые вре-

*) Если неумеренное потребление чая и кофе с натяжкой и можно признать вредным, то этого отнюдь нельзя сказать о других товарах, доставляемых эскимосам датчанами. *Прим. ред.*

мена проявляли много независимости и, встретившись впервые с европейцами, считали себя с ними почти на равной ноге. Они и теперь находят для себя унизительным быть наемниками у кого бы то ни было, так как жили всегда исключительно самостоятельным трудом. Они подчинялись лишь в редких случаях старшему в роде, но и его влияние было чрезвычайно слабо и не носило строгого характера. Поэтому европейцам было чрезвычайно трудно в первое время находить среди эскимосов работников и слуг. В настоящее время уже многие из хороших охотников нанимаются к представителям торговых предприятий и даже

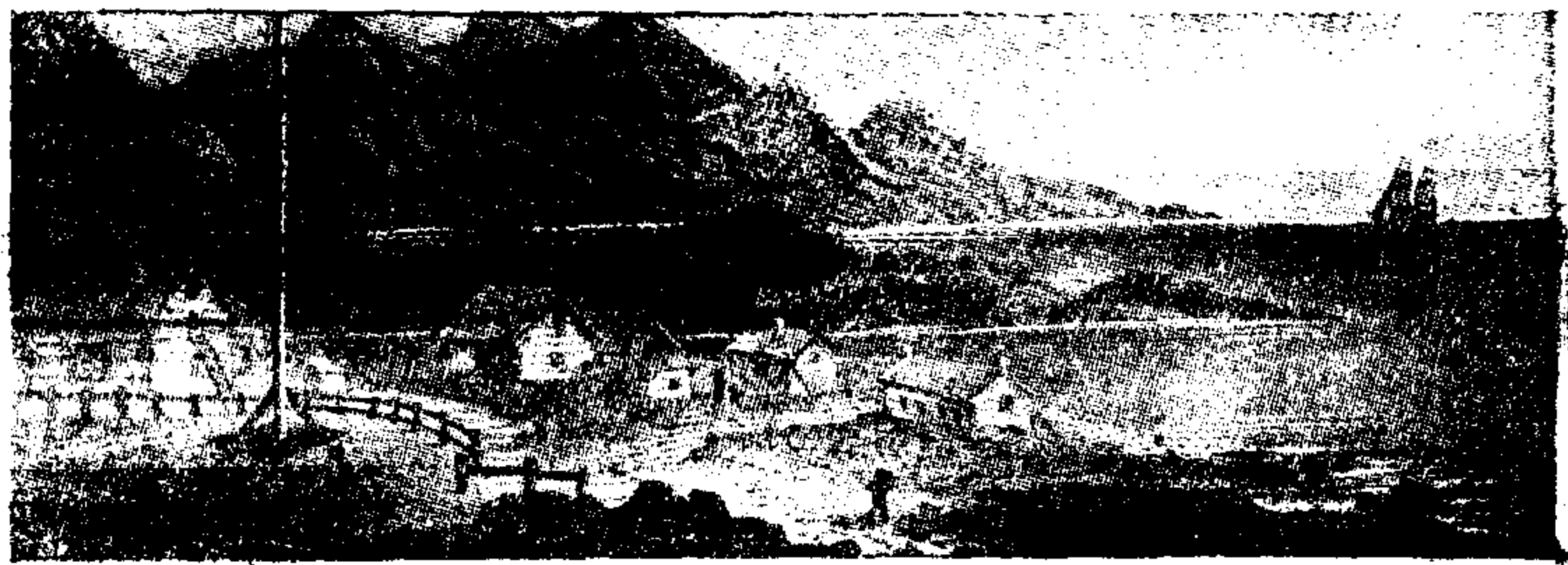

Рис. 14. Датский поселок в Южной Гренландии.

гордятся тем, что, наравне с датскими чиновниками, получают порцию водки. Зато эскимоски очень строптивы, хотя для услужения ловки и проворны: достаточно какой-нибудь датской хозяйке сделать им суровое замечание, не говоря уже о грубом слове, чтобы лишиться навсегда возможности найти себе прислугу.

Если гренландцы и выказывают иногда какое-то рабское равнодушие, то это происходит оттого, что они удивительно терпеливы. Их суровая жизнь, постоянное занятие охотой развили в них удивительное спокойствие и выдержку. Им приходилось иногда изо дня в день возвращаться домой без добычи и терпеть голод и нужду вместе со своей семьей. Я часто удивлялся их терпению, когда видел, как они целое утро простаивали около дома управляющего колонией, часто в сильную снежную бурю, и дожидались, пока их примут. Они не высказывали ни одним словом своего недовольствия, а между тем им нужно было ехать далеко, за несколько миль от колонии, и каждая минута была для них дорога. Если я спрашивал их, скоро ли они поедут, то они равнодушно пожимали плечами и говорили, что не знают, что это зависит от погоды, но никогда не выражали своих жалоб на чиновников.

Случай, отлично иллюстрирующий эту сторону их характера. Инспектор колонии послал однажды большую лодку с несколькими людьми в довольно отдаленную бухту, чтобы накопить травы для своих коз. Прошло несколько дней, а люди все не возвращались, и никто не мог понять, куда это они пропали. Когда они, наконец, вернулись, то объяснили, что трава была

вначале очень короткая, и они дожидались, пока она вырастет. Да, это поистине терпеливый народ!

Принесли ли европейцы пользу эскимосам своим появлением? Разберем дело сначала с материальной стороны. Прежде всего европейцы должны были помочь им в их борьбе за существование, познакомив их с более усовершенствованными орудиями. Европейцы привезли им железо, из которого эскимосы делают ножи и некоторые части охотничьих снарядов; но ведь они отлично обходились и без этого железа, заменяя его костью и камнем. Ружья, привезенные европейцами, позволили эскимосам сразу набить много оленей. Местами их убивали сотнями и тысячами. Меха продавались европейцам, а мясо оставалось на месте и пропадало. Ясно, что такая охота истребила всех оленей, и сами эскимосы говорят, что теперь олени покинули их страну. Если бы они продолжали убивать оленей метательными снарядами, то никогда бы не произвели подобных опустошений.

Для тюленьей охоты ружье также непригодно. Выстрелы распугивают тюленей, и они уходят с берегов в море. Между тем охота при помощи гарпуна не производила ни малейшего шума. Конечно, легче убить тюленя из ружья, чем при помощи гарпуна, и потому эскимосы охотно взялись за ружье. Зато в дурную погоду все охотники должны сидеть дома, между тем как в прежнее время могли охотиться во всякую погоду, когда был дождь и ветер. Охота с гарпуном еще тем выгоднее, что раненого зверя всегда привозили домой, а тюлень, раненый пулей, часто скрывается.

Европейцы обучили эскимосов стрелять дробью и этим облегчили охоту на птиц, которых они убивают целыми стаями. Но самым необходимым животным для эскимоса остается тюлень. Мясо и жир его нужны ему для питания и освещения, а шкуры— для одежды, домов и для обивки каяков, и его ничем нельзя заменить. Между птицами эскимосы произвели в последние годы такие опустошения, что они значительно уменьшились в количестве. Прежде эскимос бросал в них стрелы и убивал столько, сколько ему нужно,—теперь множество мелких птиц остается лежать на скалах и пропадает без всякой пользы.

Торговля европейскими продуктами также причинила эскимосам немало вреда. Чтобы купить табак, чай, кофе и разные предметы, совершенно ненужные для их обихода, они продают необходимые для существования тюлений жир и кожи. У них не хватает кож для обивки лодок, и они не могут, как прежде, совершать дальних поездок, разбивать шатры и находить новые места для лова. Все это очень вредно отзывается на их здоровье. Одежда их тоже стала гораздо хуже; они ходят в жалких лохмотьях. Часто у них нет жира, чтобы зажигать лампы, а постоянное пребывание в тесных вонючих домах способствует развитию всевозможных болезней. Число эскимосов постоянно уменьшается. Их было в 1855 г. 9.644 души, затем их число повысилось до

10.000, но не надо забывать, что первый миссионер, Ганс Эггеде, полтораста лет назад насчитал их 30.000 душ *). Больше всего гренландцы умирают от рака, а затем очень многие погибают от туберкулеза. Среди эскимосов очень много чахоточных, но они удивительно могут противостоять этой болезни. Многие уже давно харкают кровью, но выезжают при этом на охоту и доживают до преклонных лет. Объясняется это тем, что они поедают очень много жира, который служит хорошим средством против этой болезни. Занесли европейцы к эскимосам оспу и многие другие болезни.

Главной ошибкой европейцев было желание быстро привить этому народу свою культуру. Конечно, человеческая природа способна к развитию, но это развитие должно идти постепенно и отнюдь не вразрез с теми условиями жизни, в которых этот народ находится. Какое непоправимое зло нанесли мы эскимосам тем, что познакомили их с деньгами! Прежде они не знали, что такое богатство и сбережение. Из того, что они добывали, они много уделяли ближним; но вот они узнали, что такое деньги. Искушение было слишком велико. Они теперь продают европейцам все, что могут, и полученную выручку тратят на покупку европейских товаров, которые им очень нравятся. Таким образом, бескорыстная любовь к ближним постепенно у них ослабевает. Они уже не бросают теперь вещей, которые остались после умерших, а продают их; полученную добычу не делят с соседями, а выручают за нее деньги. Они понемногу делаются жадными и корыстолюбивыми и незаметно усваивают себе те пороки, которые они осуждали у европейцев.

Прежде у эскимоса была одна цель в жизни: выехать на охоту и убить зверя. Когда семья его была сыта, и у него было достаточно кож и жира,—он был счастлив и весело смотрел на мир. Теперь у него явились другие интересы, но они отвлекают его от самых необходимых занятий. Единственное, что дали европейцы эскимосам,—это христианство. Его распространение шло очень успешно, но, к сожалению, миссионеры слишком мало сделали для религиозно-нравственного развития народа. Всевозможные суеверия и до сих пор затемняют его рассудок.

В заключение я должен сказать, что для спасения эскимосов от верной гибели существует одно средство **): европейцы долж-

*) В последнее время также наблюдается прирост населения у эскимосов и это даже несмотря на заметное уменьшение зверя и сокращение промыслов.

Прим. ред.

**) С этим взглядом отнюдь нельзя согласиться: предоставленные самим себе, эскимосы быстро сделаются жертвой представителей других наций (главным образом торговцев), которые не замедлят появиться здесь и, конечно, преследуя главным образом быстрое обогащение, будут обходиться с эскимосами гораздо бесцеремоннее, нежели агенты датского правительства.

Прим. ред.

ны снова покинуть их страну и предоставить им возможность вести прежний образ жизни, который гораздо целесообразнее при существующих климатических и иных условиях. В прежние времена Гренландия являлась источником дохода для датского королевства, но это время прошло. Теперь на колонии затрачиваются большие суммы денег, и едва ли Дания согласится долго выносить такой добровольный налог. Не лучше ли во-время уехать отсюда, пока в народе еще сохранилось достаточно сил, чтобы снова воспрянуть и выполнять ту задачу, для которой он предназначен самой природой, т.-е. занимать самые крайние посты на далеком севере, где не может существовать никакой другой народ *). Неужели Гренландии суждено сделаться совершенно необитаемой страной? Лишь крики чаек будут тогда нарушать мертвую тишину; солнце будет вставать и заходить и освещать своими лучами страну, где не будет ни одной человеческой души. Только изредка какое-нибудь судно будет останавливаться у безлюдных берегов. В длинные зимние ночи северное сияние зальет небо от края до края, но некому будет полюбоваться на эту красоту; некому будет повторять сказания старины глубокой, собравшись дружной тесной семьей. Погибнет добрый, честный, мужественный народ, который, лицом к лицу с суровой природой, сумел обеспечить себе существование и независимый труд. Читатель, вероятно, согласится со мною, что нельзя искренно не пожалеть о его судьбе и не пожелать ему возродиться для той полезной работы, для которой он был призван.

*) Эскимосы некогда пришли в Гренландию из других стран, вероятно, оттесненные к северу другими народами. Нет основания поэтому считать, что их единственное назначение занимать крайние посты на далеком севере.